

Н. Д. Зенинъ и еп. Михаилъ.

Отъ редакціи. Итакъ, безспорно выяснено, что ни за иеканоничное рукоположеніе, ни за непоѣздку въ Канаду держать далѣе епископа Михаила подъ запрещеніемъ не слѣдуетъ и нѣть основаній.

Что касается его „соблазнительныхъ для нѣкоторыхъ мыслей и выраженій“, то часть ихъ относится къ тому времени, когда еп. Михаилъ еще и не былъ старообрядцемъ, и слѣдовательно въ счетъ совсѣмъ не можетъ итти. Но и остальная отдельная выраженія понадерганы изъ сочиненій еп. Михаила часто совершенно недобросовѣстно, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, не считаясь съ общей мыслью и направленіемъ автора. Если держась „ученаго“ „метода“ о. Каабиновича „надергать“ мыслей даже изъ священнаго писанія, то и по нему выйдетъ, что „нѣть Бога“, что „нѣть загробной жизни“, что Богъ—„тать“ и т. д. Столъ „добросовѣстную критику“ о. Каабиновича вполнѣ по заслугамъ, спокойно, корректно, но уничтожающе уже разобралъ еп. Михаилъ на страницахъ нашего журнала и отъ всѣхъ навязываемыхъ ему, и ему не принадлежащихъ, неправославныхъ мыслей отказался. Чего же еще нужно? Не запросы письменные нужно ему посыпать отъ собора, а обязательно пригласить его на соборъ, выяснить весь вопросъ и недоразумѣнія въ его присутствіи и соответственно съ результатами поступить.

ПИСЬМО ЕПИСКОПА МИХАИЛА.

Глубокоуважаемые Федоръ Еѳимовичъ, Никифоръ Дмитріевичъ и Владимиръ Евсѣевичъ!

Пишу больной, съ трудомъ и тяжело скорбнымъ сердцемъ. По особымъ обстоятельствамъ я не смогъ прїѣхать къ первому дню собора. Въ дополненіе къ одному несчастному происшествію, смутившему меня, 26 числа я получилъ новую печальную новость изъ Симбирска, гдѣ заболѣлъ тяжело мой племянникъ,—и я поѣхалъ на родину въ увѣренности, что до моего дѣла не дойдутъ *ранне* 27 августа — за дѣлами большого значенія, — когда я и рѣшилъ заѣхать на соборъ. Но вотъ узнаю еще 26-го утромъ, что мое дѣло оставлено безъ разсмотрѣнія.

Что мнѣ дѣлать? Можно ли было прїѣхать на соборъ послѣ такого рѣшенія, мнѣ, туда не приглашенному?

Уже совершенно больной и разбитый, продолжаю путь на родину. Я не желалъ много,—я не желаю епископской епархіи, боясь по неопытности оскорбить кого-нибудь изъ вѣрныхъ, меня тяготитъ только невозможность отслужить литургію для своей души, для своего полнаго „причастія“, но я былъ бы радъ, если бы мнѣ позволили хоть не публичное, а частное богослуженіе, иногда, на безлюдьи, для себя...

Почему дѣло не рассматривалось? По моей неявкѣ,—но она не выяснилась еще въ первый день собора. Да и не приглашали меня на соборъ.

Чего отъ меня требуютъ? Мнѣ это положительно неизвѣстно. Если вопросъ о моемъ „исповѣданіи“,—то я далъ одно—и готовъ подписать составленное соборомъ, даже не читая, вѣруя, что соборъ, созванный волею Духа Божія, изъ отцовъ, мнѣ извѣстныхъ,—не можетъ быть погрѣшительнымъ въ вопросахъ вѣры. Да и какое требуется исповѣданіе, кромѣ Никео-Цареградскаго, святѣйшаго изъ всѣхъ и довѣщающаго христіанамъ? Я не поѣхалъ въ Канаду второй разъ послѣ неудачной первой попытки, но вѣдь въ 1910—11 гг. меня не пустили туда, и вообще за границу, привлекая къ суду по несуразному обвиненію въ передачѣ издателю не моей и неизвѣстной мнѣ по содержанію брошюры,—по просьбѣ ея автора (имя которого было указано передатчицей). Дѣло это погашено манифестомъ только въ 1913 году.

Итакъ, что же лежитъ на мнѣ? Почему мнѣ не даютъ утѣшенія причаститься, какъ должно священнослужителю, даже лишаютъ меня во многихъ мѣстахъ возможности причащаться вообще? Душа истекаетъ скорбью...

Я написалъ бы собору, но моя рука не можетъ писать перомъ. Большой, съ путающимися мыслями и памятью, я не могу писать правильно и убѣдительно, а того, на какие вопросы, о чёмъ мнѣ нужно дать отвѣты,—я рѣшительно не представляю.

Старообрядческій епископъ *Михаилъ*.

27 августа, глубокое утро.

P. S. Пишу троимъ, потому что изъ свѣтскаго состава собора у меня нѣтъ (или не припоминается) знакомыхъ. Не могу выразить, какъ тяжело для меня рѣшеніе собора, лишающее меня возможности проповѣди, ибо какъ можно проповѣдовывать настолько недостойному, что десяти лѣтъ было мало для его покаянія? Не могу писать... У епископовъ прошу прощенія, если кто, узнавъ о содержаніи письма, сочтетъ его обиднымъ: гнѣва и неудовольствія ни на кого не имѣю, жалѣю только себя.

Михаилъ.

На письмо еп. Михаила.

Что можно сказать на это письмо?.. Право, не придумаешь. Что-то невозможное творится у насъ. Наша редакція, если можно такъ выражаться, осаждается письмами читателей, интересующихся судьбою еп. Михаила и негодующихъ на то положеніе, въ которомъ еп. Михаила держатъ наши епископы. Если бы обнародовать эти письма, то это было бы очень рѣзко и едва ли изъ-за этого не заварится крутая каша, которую скоро не сваришь. На всѣ запросы людей интересующихся, чѣмъ собственно виноватъ еп. Михаилъ, мы отвѣтили въ журналѣ по той совѣсти, которая лежала въ нашей душѣ, различными статьями, относя-

щимися къ этому вопросу, мою въ № 8, еп. Михаила въ №№ 5, 6 и 7, о. А. Старкова и раньше и теперь, а также и другими въ прежнее время. Мы не давали дѣлу свою только личную окраску, а старались и мнѣнія другихъ также огласить, дабы христіанинъ зналъ и за, и противъ. И изъ всѣхъ этихъ статей все-таки вытекало и съ очень большой ясностью, что не за что держать этотъ свѣтильникъ подъ спудомъ; пора поставить его на свѣщникъ, „да свѣтить всѣмъ сущимъ въ храминѣ“.

Мы передъ послѣднимъ соборомъ очень настойчиво долбили въ печати о необходимости разсмотрѣть дѣло еп. Михаила на соборѣ и сложить съ него запрещеніе. Запрещеніе по меньшей мѣрѣ ненужное. Мы знали, что къ собору уже были просьбы о разсмотрѣніи этого дѣла и вѣрили, что при нынѣшнемъ управлениі св. церковью вопросъ этотъ пройдетъ благопріятно.

Но оказывается, мы жестоко ошиблись: вопроса даже на повѣстку не поставили. Епископа Михаила на соборѣ не пригласили. Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію собора, рассматриваетъ „комиссія при архіепископѣ“. Она составляетъ списокъ и даетъ порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ на соборѣ. Она-то и исключила это дѣло изъ числа подлежащихъ разсмотрѣнію. И это понятно: защитниковъ еп. Михаила въ составѣ комиссіи не было, если не считать О. Е. Мельникова, который на этотъ-то разъ и былъ, кажется, главною причиной того, что это дѣло не попало на повѣстку. Да и не кажется это только, но и самъ онъ въ этомъ мнѣ признавался на соборѣ, мотивируя, что онъ потому стоялъ противъ разсмотрѣнія дѣла, что еп. Михаилъ самъ обѣ этомъ не проситъ. Меня и В. Е. Макарова, еще въ 1912 г., покойный архіепископъ исключилъ изъ этой комиссіи какъ кандидатовъ, зная насъ какъ людей независимыхъ во взглядахъ и, не зря на лица, говорящихъ правду, а потому конечно нежелательныхъ. Тамъ нужны люди другого типа.

И удивительна святая простота еп. Михаила: не зная, какъ О. Е. относится къ нему, онъ на его-то имя и прислалъ во время собора телеграмму съ извиненіемъ, что не могъ прибыть на соборъ.

— Подвелъ меня онъ этой телеграммою, сказалъ мнѣ О. Е., я же въ комиссіи говорилъ, что онъ не нуждается, не интересуется своимъ дѣломъ, а онъ мнѣ телеграмму прислалъ. Вотъ чудакъ!..

И ему же заадресовалъ епископъ Михаилъ свой вопль разбитаго сердца и разбитыхъ надеждъ на служеніе церкви Христовой... Конечно, не знаетъ онъ, что О. Е. по отношению къ нему уже не тотъ. Я не знаю, какъ отнесся къ этому рыданію разбитой души О. Е., прочитавши его, но не думаю, чтобы онъ понялъ тѣ муки нравственныхъ страданій, пытокъ, которыя переживаетъ еп. Михаилъ, но я знаю, что у О. Е. уже скопился рядъ причинъ, чтобы если не обвинять еп. Михаила, то хотя бы не защищать, не интересоваться этимъ дѣломъ. Мнѣ онъ говорилъ, что еп. Михаилъ самъ во многомъ виноватъ: живеть вдали отъ нась, въ средѣ намъ

чуждой, ведетъ жизнь мірского человѣка. Конечно, это въ извѣстной степени справедливо... но... не мы ли въ этомъ виноваты?.. Принявъ его, чѣмъ мы его встрѣтили: ласкою? привѣтомъ? гостепріимствомъ?.. Нѣтъ, конечно... Дубиною, и прямо по уму и сердцу. Оглушивъ, мы до сихъ поръ продолжаемъ добивать его, стараясь не дать ему притти въ себя, опомниться, такъ-сказать... Если бы хотѣли его принять по-христіански, мы бы наложили на него испытаніе, да пригласили бы его пожить или въ монастырѣ, или въ епископіи какой—подъ руководствомъ кого-либо изъ епископовъ и несомнѣнно—онъ охотно согласился бы. Вотъ хоть бы тотъ случай— „обученія его древле-церковнымъ обрядамъ“, что вмѣнили ему въ обязанность соборомъ 1909 г. подъ наблюденіемъ архіепископа, использовать, и дѣло прошло бы прекрасно! Вѣдь подчинялся же онъ канонической дисциплинѣ и искалъ этого обученія и режима... Но вѣдь этого не хотѣли! Хотѣли другого. Хотѣли таکъ или иначе изгнать человѣка изъ своей среды, не допустить въ свою среду, а открыто, честно изгнать, сказать причину его нежелательности стыдились, смѣлости нехватало: причина-то некрасива! Ну и прятались за каноны церкви, стараясь обвинить невиннаго и задушить его благія стремленія.

Не въ канонахъ тутъ дѣло... а въ человѣческихъ стремленіяхъ... Сознаваться-то въ нихъ не сознаются, а проводить-то проводятъ на дѣлѣ. Итакъ, не въ немъ вины, что онъ вдали отъ насъ.

Онъ искалъ и продолжаетъ искать единенія, но его отталкиваютъ. Его гонятъ отъ себя. И не Федору Еѳимовичу этого не понимать.

Вотъ его вопль... Вопль надорванной, надломленной души... Души, ищущей единенія и не знающей, какъ къ этому единенію подойти. Вотъ онъ взвываетъ къ намъ. Онъ просить защиты у насъ... помощи... А что мы можемъ дать?.. Какое вліяніе мы можемъ имѣть на людей, смотрящихъ на насъ весьма подозрительно съ точки зрењія ихъ „личнаго“ древле-православія, точнѣе—съ ихъ личной точки зрењія на старообрядчество, какъ религию фетишизма? Вѣдь совсѣмъ не секретомъ становится день ото дня, что мы, люди, смотрящіе на старообрядческую церковь, какъ церковь, ближе всѣхъ стоящую къ идеалу христіанской церкви, становимся чужды людямъ, смотрящимъ на старообрядчество съ точки зрењія самодовлѣющаго въ обрядахъ своихъ, а больше того съ точки зрењія личныхъ, себялюбивыхъ цѣлей. Какое можетъ быть наше вліяніе на нашихъ братьевъ, начетчиковъ хотя бы того типа, которые говорятъ: „На нашъ вѣкъ дураковъ хватить, а тамъ хоть потопъ“... Мы на религию такъ смотрѣть не можемъ. Мы не можемъ смотрѣть на нее съ точки зрењія коммерческой. Для насъ она вѣчный идеалъ, вѣчное стремленіе къ самосовершенствованію и совершенствованію человѣчества въ его цѣляхъ упорядоченія жизни человѣчества, устроенія ея къ жизни въ Богѣ, къ достиженію царства Божія на землѣ какъ и на небѣ, по молитвѣ Господней: „Да придетъ царствіе Твое... яко на небеси и на земли“. Мы не можемъ смотрѣть на обряды какъ на

самодовльшую цѣль. Обряды для насть святы, почтены, но они только средство къ достижению цѣли, а не сама цѣль. Мы ихъ чтимъ, выполняемъ, но не смотримъ на нихъ какъ на фетиши, какъ на идола, которому должны поклоняться, какъ Богу. Мы чтимъ установления церкви, мы чтимъ іерархію. Но не можемъ мы смотрѣть на іерархію, какъ на кумиръ какой, для насть она необходима, почтена, но не безъ разсмотрѣнія ея дѣйствій... Мы руководимся словами св. Василія: „Человѣкъ разумная овца, а не неразумная. Не можетъ онъ сказать: не мое дѣло, куда ведетъ меня пастырь... Если овца, не слѣдующая за добрымъ пастыремъ, выставлена на свою погибель волкамъ, то овца, слѣдующая злому пастырю, имѣеть предъ собою смерть“ *).

Не можемъ мы, какъ люди, понимающіе достоинство христіанской нелицепріятности, пресмыкаться, льстить и заискивать, продавая христіанское первородство свое за чечевичную похлебку благоволенія людей, стоящихъ на какой-либо ступенькѣ общественной лѣстницы, выше. Хотя, конечно, не изъ-за гордости, а по ненадобности этого пресмыкателства и вредности его какъ для самого пресмыкающагося, такъ и для того, предъ кѣмъ пресмыкаются и чье ухо ласкаютъ льстивыми рѣчами. Пусть это дѣлаютъ тѣ, которые за ласковое слово и брошенную копѣйку все готовы продать, всему готовы служить. Но мы по чувству христіанственности не можемъ на это пойти. Вотъ поэтому-то мы и не можемъ вліять сильно въ защиту кого-либо предъ этими людьми.

Въ этомъ-то мы такъ и повинны!..

Насъ самихъ оттесняютъ все дальше и дальше отъ нашей природной среды. Насъ годъ отъ году удаляютъ отъ общественныхъ дѣлъ. Насъ самихъ стараются увѣрить, что не старообрядцы мы. Это ничего, что мы чтимъ старые обряды, хранимъ посты, не куримъ, не пьянствуемъ, носимъ длинныя бороды и волосы, одѣваемся въ кафтаны и т. д. *На этотъ разъ не въ этомъ дѣло!* Дѣло въ томъ, что нельзя старообрядчество считать истиннымъ христіанствомъ въ первую голову, а надо, во-первыхъ, считать его старообрядчествомъ, а христіанствомъ можно, но необязательно.

И дѣйствительно надо признать: если зайти съ этой точки зрѣнія, то они правы. Мы ужъ не тѣ, что они... Это ничего, повторяю я, что мы сдѣлали маленькій шажекъ впередъ ко Христу, а они поотстали; это-то какъ разъ и не заслуга, а порокъ. Этого не надо дѣлать, надо быть въ уровень съ массою, а еще лучше, если отъ нея поотстать.

Итакъ, если мы нежелательны, чуть-чуть отшагнувшіе впередъ, то само собою разумѣется, на что же намъ нуженъ „профессоръ“, человѣкъ

*) Аксаковъ. Духа не угашайте, стр. 73.

съ очень большимъ шагомъ впередъ ко Христу, каковъ есть еп. Михаилъ? Ну и надо держать его подъ запрещенiemъ.

Его держать подъ запрещенiemъ въ цѣляхъ,—не причинилъ бы онъ вреда св. церкви; не произвелъ бы онъ смуты какой, раскола... И причиною къ тому выставляютъ правило, карающее епископовъ, не отправившихся къ мѣсту назначенаго служенія. Правда, правило такое есть, но оно направлено противъ злоупотребленій, а не случайности, и при томъ случайности неподолимой. Вѣдь известно—не по своей волѣ еп. Михаилъ возвратился съ пути къ мѣсту назначенія и не по своей волѣ не поѣхалъ вторично. Это первое. А потомъ: удивительно—люди неспособны обозрѣть себя кругомъ, т.-е. оглянуться на свои поступки и на свою всегдашнюю защиту нарушенія каноновъ церкви съ выгодою для пользы св. церкви. Развѣ мало мы оправдываемъ нарушенія правилъ—защищаясь отъ нападомъ миссионеровъ? Развѣ мы не ссылаемся на рядъ историческихъ примѣровъ нарушенія правилъ: тѣхъ же самовольныхъ переходовъ съ каѳедры на каѳедру, вторженія въ области чужой епархіи, рукоположеній въ чужой епархіи, единоличныхъ рукоположеній и т. д., и т. д. безъ конца?.. Почему тамъ такое снисхожденіе, а здѣсь жестокость? Жестокость безъ всякой уступки въ сторону христіанскаго милосердія и, на конецъ, выгоды св. Христовой церкви.

Развѣ это не уподобленіе тѣмъ египетскимъ епископамъ, что на второмъ вселенскомъ соборѣ устранили св. Григорія отъ предсѣдательства на этомъ соборѣ, обвиняя его въ томъ, что онъ вместо Сасима, куда былъ рукоположенъ, оказался въ Константинополѣ? Они это мотивировали нарушеніемъ канона церкви, а на самомъ дѣлѣ дѣлали это изъ побужденій зависти. И развѣ не о нихъ, въ великомъ прискорбіи отъ этой несправедливой обиды, выразился св. Григорій, что они на соборѣ „аки гуси гогочутъ и аки жеравли скрипяще другъ друга пхаютъ“ *), а въ другомъ мѣстѣ обозвалъ ихъ „стаей крикливыхъ галокъ“ **).

Столько лѣтъ еп. Михаилъ несетъ кару. Безропотно, благопокорливо. Никакихъ поступковъ ни противъ дисциплины, ни противъ св. церкви не обнаруживаетъ, и все-таки его мучаютъ запрещенiemъ, и держать вдали отъ своей среды. Въ чемъ причина?

Вѣдь если бы онъ захотѣлъ, онъ могъ бы уже давно причинить предполагаемое зло. Развѣ его запрещеніе мѣшаетъ этому? Развѣ вообще-то когда-либо, кому-либо самовольнику, не только запрещеніе, но даже изверженіе изъ сана, мѣшало самовольничать и отторгать людей вслѣдъ за собою? Развѣ древніе еретики не лишались сановъ? Не отлучались отъ церкви? Не предавались проклятію?.. И развѣ потомъ не приходилось церкви признавать и ихъ и ихъ послѣдователей въ сущихъ санахъ? Да что

*) Бароній л. 381, ч. 14.

**) Деян. всел. соб. т. II. Письмо св. Григорія, и въ его твореніяхъ.

древніе раскольники, возьмите нашихъ Антоніевъ вторыхъ: развѣ они не запрещались? Развѣ они не отлучались? А они дѣлали свое дѣло—и за ними шли люди, идутъ и теперь. А церковь принуждена покрывать ихъ безумства своею любовью.

Ясно, что ничто не мѣшаетъ еп. Михаилу поступать такъ же, но не желаетъ онъ этого. Онъ напротивъ съ отчаяннымъ терпѣніемъ ожидаетъ справедливости и законнаго единенія во Христѣ со Св. Церковью. Развѣ можно думать, что у него послѣдователей не найдется?.. Найдутся, многіе, и притомъ лучшіе, искренніе христіане...

Такъ не искушайте же терпѣнія. Не толкайте людей на раздоръ и не навлекайте горя на церковь Христову. Довольно тиранить ее раздорами.

Понять необходимо: раздоръ этотъ будетъ законенъ, потому что съ еп. Михаиломъ поступаютъ не по-христіански, жестоко и главное—безцѣльно. Поступаютъ не *во благо Св. Церкви, а во вредъ*.

Если было нарушеніе каноновъ—оно искуплено епитиміей наказанія, а другихъ причинъ нѣтъ.

Развѣ только побужденія... зависти.

Но этого не должно же быть!

Епископу же Михаилу мы посовѣтуемъ еще потерпѣть, пождать, а пока что—постараться приблизиться къ нашей средѣ не только духомъ, но и тѣломъ, т.-е. устроиться гдѣ-либо въ монастырѣ. Я не сомнѣваюсь, мѣсто въ монастырѣ всегда найдется, и есть епископы горячо ему сочувствующіе, которые охотно согласятся принять его въ одинъ изъ монастырей своей епархіи.

Это отниметъ послѣдніе мотивы держать его подъ запрещеніемъ. Нельзя же въ наши плачевые дни всеобщаго паденія вѣры держать такой свѣтильникъ подъ спудомъ.

Это не позоръ только, намъ очевидно на позорь-то плевать, но это слишкомъ невыгодно для дѣла Христа.

H. Зенинъ.

Открытое письмо Тимофея Саввича Морозова Ѳеодору Ефимовичу Мельникову.

Г. И. Х. С. Б. П. Н.

Дорогой о Христѣ братъ Ѣеодоръ Ефимовичъ!

8 с/м. былъ въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ и заходилъ въ старообрядческій институтъ съ цѣлью повидаться и побесѣдовать съ Вами. Но, къ несчастью, не засталъ Васъ и такъ какъ, по всей вѣроятности, мнѣ нескоро удастся попасть опять въ Москву, вслѣдствіе массы работы по дѣламъ службы, рѣшилъ Вамъ послать настоящее письмо. За ранѣе извѣняюсь за причиненное беспокойство и надѣюсь, что Вы отвѣтите на него такъ же чистосердечно, какъ я обращаюсь къ Вамъ. Дѣло касается запрещенного владыки Михаила. Я не начетчикъ и не знатокъ каноновъ церковныхъ, а простой мірянинъ, но отъ души вамъ скажу съ глубокою горечью и со стыдомъ за старообрядчество прочелъ письмо владыки, помѣщенное въ № 10 журнала „Старообрядческая Мысль“ за 1915-ый годъ. Надо имѣть жестокое сердце, чтобы не быть потрясеннымъ до глубины души этимъ воплемъ замученного человѣка. И поэтому мнѣ кажется, что вопросъ о разрѣшениіи владыки не только можно, но даже должно поднять. Я не принадлежу къ сторонникамъ владыки, такъ какъ его преступки: принятие единоличнаго рукоположенія и неповиновеніе собору неканоничны, а его враждебность къ покойному архіепископу Іоанну и рѣзкіе выпады противъ послѣдняго въ печати совершенно не гармонируютъ съ духомъ нашей древле-православной церкви. Но за нихъ онъ и понесъ должное наказаніе,—наказаніе, доведшее его до того печальнаго душевнаго состоянія, въ которомъ онъ находится теперь. Былъ судъ, было осужденіе, было и наказаніе, которое продолжалось и продолжается чуть ли не семь лѣтъ, пора, наконецъ, и вспомнить слова Господа нашего Іисуса Христа: „блаженны милостивіи, яко тіи помилованы будутъ“.

Въ великую годину испытаній, когда кровь нашихъ братьевъ льется рѣкою и когда со дня на день можешь попасть въ ихъ число—, особенно глубоко чувствуешь смыслъ этихъ словъ. Опять повторяю, я не сторонникъ запрещенного владыки и вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ отца Алексія Старкова, что ему каѳедры давать не слѣдуетъ, но думаю, что рѣшеніе этого вопроса не столь важно по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, сколько по своему принципіальному характеру. Обходить этотъ вопросъ, замалчивать его по-моему является преступнымъ малодушіемъ; вѣдь не надо забывать, что вотъ уже скоро десять лѣтъ, какъ владыка Михаиль сотрудничаетъ чуть ли во всѣхъ древле-православныхъ журналахъ („Старообрядецъ“, „Старообрядцы“, „Церковь“, „Старообрядческая Мысль“, „Слово Церкви“); имя его извѣстно всѣмъ древле-православнымъ христіанамъ нашей великой родины. И для старообрядческаго института онъ не мало потру-

дился и намъ ли, сотрудникамъ этого института, это не знать. Несмотря на это, онъ до сихъ поръ подъ запрещеніемъ. Въ совмѣщении этихъ двухъ фактовъ: его широкой дѣятельности на пользу церкви Христовой и его запрещенія есть что то-ложное, и каждый старообрядецъ это чувствуетъ и недоумѣваетъ. Для разрѣшенія этихъ недоумѣній по-моему и необходимо, не откладывая, рѣшить этотъ вопросъ на ближайшемъ соборѣ и, конечно, рѣшить категорически: или простить, памятуя слова Спасителя, потребовавъ, если нужно „исповѣданіе“ или же совершиенно истогнуть изъ сана, какъ лицо, недостойное именоваться старообрядческимъ епископомъ. Всякіе компромиссы, обходы, средніе пути внесутъ лишь рознь и смуту въ Церковь Христову. Прочтя эти строки, дорогой о Христѣ братъ, Вы, вѣроятно, зададитесь вопросомъ, почему я не высказывался по этому дѣлу раньше и выбралъ такое неудобное время, какъ война. Объясненіе сего въ томъ, что при жизни покойнаго владыки Іоанна, столь враждебно относящагося къ владыкѣ Михаилу, это было бы совершенно бесполезно и могло бы лишь принести вредъ церкви Христовой. Не осмѣливаясь осуждать покойнаго и благоговѣя передъ его памятью, тѣмъ не менѣе я не могу не признать его страшнаго упорства въ нѣкоторыхъ вопросахъ — упорства, съ которымъ мнѣ лично пришлось столкнуться. Про этотъ случай я Вамъ, кажется, разсказывалъ или писалъ: дѣло касалось одного бѣднаго крестьянина Воронежской губерніи, который за заключеніе неканоничнаго брака попалъ подъ запрещеніе и со смиреніемъ несъ его около четырехъ лѣтъ. Неоднократно онъ прїѣзжалъ въ Москву и умолялъ владыку его разрѣшить; послѣдній не отмѣнялъ своего рѣшенія. Случайно онъ встрѣтился со мной и разговорился, изложивъ свое печальное дѣло. Я рѣшился пойхать къ владыкѣ и просить его смилостивиться, однако никакія мои просьбы не помогли: владыка остался непоколебимъ.

Два года спустя изъ устъ моей близкой родственницы, дамы занимающей довольно видное общественное положеніе, я услышалъ другой рода случай, касающійся ея лично. Рожденная и воспитанная въ старообрядчествѣ она житейскихъ ради выгодъ при замужествѣ перешла въ никоніанство и черезъ три мѣсяца развелась, не только не скрывая этого печального факта, но рекламируя свой разводъ по всей Москвѣ и позоря и высмѣивая мужа на каждомъ шагу. Когда еще дѣло о разводѣ не было кончено, она явилась къ владыкѣ Іоанну и попросила его отслужить панихиду по ея отцѣ и помолиться за нее; прїѣхала на кладбище на автомобильѣ и разодѣтая по послѣдней модѣ. Я предполагалъ, что владыка, соблюдая строгость каноновъ, не только не благословитъ ее, но даже и не впуститъ въ храмъ. Я глубоко ошибся. По ея словамъ, владыка встрѣтилъ ее съ распластанными объятіями, не только благословилъ ее и ввелъ въ храмъ, но и у себя дома не зналъ куда и посадить ее, какъ дорогую гостью, и въ заключеніе подарилъ ей собственную фотографическую карточку: о переходѣ въ никоніанство, разводѣ и сопутствующихъ обстоятельствахъ, конечно, не было и по-

мина. Однимъ словомъ она осталась отъ него въ восторгѣ и всюду говорила, что онъ очень милъ (извиняюсь, дорогой о Христѣ братъ, Вамъ подобнаго рода выраженія могутъ показаться дикими, но передаю лишь то, что слышалъ отъ нея лично).

Сопоставляя эти два случая и видя страшное упорство въ первомъ и слишкомъ большую мягкость во второмъ, я вывелъ заключеніе, что въ дѣлѣ владыки Михаила онъ останется непоколебимымъ; вѣдь у послѣдняго нѣтъ ни виднаго общественнаго положенія, ни собственнаго автомобиля. А разъ дѣлу нельзя было помочь, я и рѣшилъ молчать до времени, тѣмъ не менѣе неоднократно высказывался за категорическое рѣшеніе дѣла на соборѣ въ личныхъ бесѣдахъ съ А. С. Рыбаковымъ и А. В. Зайцевымъ.

Въ заключеніе сего письма обращаюсь къ Вамъ, дорогой о Христѣ братъ, какъ къ „апостолу старообрядчества“ съ просьбою, высказать по этому дѣлу; Вашъ голосъ будетъ имѣть громадное значеніе для всего старообрядчества. Я вѣрю и глубоко вѣрю, что Вы не будете, по выражению Н. Д. Зенина, „прятаться у куточекъ и помалкивать“ и съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего отвѣта.

Затѣмъ привѣтствуую Васъ о Христѣ братскимъ привѣтствиемъ.

Тимоѳей Морозовъ.

Лебединая пѣснь.

„Существуетъ повѣрье, что лебедь поетъ, предвѣщаю свою смерть“. (Большая энциклопедія).

Такую послѣднюю пѣснь я получилъ отъ блаженной памяти еп. Михаила 29 сент. 1916 г. въ видѣ статьи, помѣщаемой ниже.

Статья эта дышитъ глубокимъ горемъ горячаго сердца, страдающаго болями за участъ Церкви Христовой. Но сердце это—разбитое сердце, разбитое тѣми жестокими ударами, которые ему наносили нравственно—братья христіане и со-братья—служители Христа, пастыри Церкви Его, руководители народа его, наносили долгіе годы его горячаго біенія на работѣ для дѣла Христа.

И въ этомъ больномъ крикѣ разбитаго сердца, угасающаго разсудка, слышатся тѣ самые звуки призыва—къ братьямъ-людямъ, которые звучали всегда, призывая къ устроенію жизни человѣческаго общества на началахъ христіанской нравственности, любви человѣка къ человѣку и совмѣстной борьбѣ со зломъ жизни, общею организованною силой—Церкви... Объ упадкѣ, о разстройствѣ этой организованной силы—Церкви и стонутъ, еще звучащія, но уже разбитыя струны, этого благороднаго сердца.

Мысли статьи этой отрывочны и не вполнѣ связны. Но основная мысль—все-таки понятна, и ради нея я помѣщаю эту лебединую пѣснь еп. Михаила въ нашемъ дорогомъ, умирающемъ журналь.

Пусть эта пѣснь, говорить миру вѣчно—о его жестокости къ сердцамъ полнымъ Христовой любви,—къ братьямъ-людямъ. Къ сердцамъ посланниковъ неба — къ звѣрю-челомъ

27-го октября, въ 2 часа дня, волею Божіе скончался
на Рогожскомъ кладбищѣ, въ Москвѣ,

старообрядческій епископъ Михаилъ.

Погребеніе состоялось тамъ же 30-го октября, въ воскресенье.

вѣку, съ проповѣдью Божественной любви. Пусть она вѣчно напоминаетъ тѣмъ, кто былъ такъ жестокъ къ этому дивному сердцу, кто гналъ его нравственно и физически до ранней могилы, и пусть она вѣчно звучитъ горькимъ упрекомъ

намъ всѣмъ за то, что мы не оцѣнили этого благороднаго сердца, а еще больше за то, что мы загрязнили своими грязными ногами идеалы Христа, и позорно топчемъ въ грязь—идеалы Его Божественнаго учрежденія—Св. Церкви.

Пусть слышать это тѣ, кому слышать нужно!..

Пусть исправятъ они пути свои—да не погибнетъ память ихъ съ шумомъ. И да не одолѣютъ черезъ нихъ, „врата ада“, Церкви святой.

Н. Зенинъ.

Мое слово.

Въ день полученія вашего письма пришелъ ко мнѣ самарскій гражданинъ. Взволнованный, въ высшей мѣрѣ возбужденія.

— Ну дѣла... Старообрядческую мысль анафемѣ предали... Да еще Геронтій петроградскій. Не благонадежна и еретична.

Это лучшая, послѣдняя и единственная защита правой вѣры.

Да такъ.

У меня сердце чуяло. Кого въ Москву.

У насъ—протоіерея, который лишь пороги лижетъ у богачей, который азбуки святаго и отеческаго писанія не знаетъ.

Законъ: собери народъ, что онъ скажетъ слушай.

Замѣчательно, что это второй на какомъ-нибудь десяткѣ верстъ другъ отъ друга.

Въ самомъ (дѣлѣ^{*)}) что дѣлается съ нашею Церковью. Кости святаго Аввакума ворочаются въ могилѣ... Простой человѣкъ—Морозова жившая въ могилѣ—въ могилѣ плачетъ.

Чѣмъ велика была Церковь: тѣмъ что была единствомъ церковнымъ.

Кто на соборѣ самомъ первомъ и по времени и по блеску великихъ дарованій былъ первымъ?

^{*)} Вставка моя. Н. З.

Діаконъ.

Не кричите вы—міряне зачѣмъ?

Была ссылка.

Это на соборъ разбойничій?

По ученію теперешнихъ грековъ: патріархъ послѣдній слуга народа.

А у насъ. Соборные выборы. Какая то „макаркина грамота“ (и того — хуже). Позоръ неслыханный и, думается, послѣдній.

Въ чѣмъ *) мораль нашей церкви.

Пришла ко мнѣ старая-старая женщина: — Скажите мнѣ какой грѣхъ спать на печкѣ.

Вопросъ разумный.

— Можно-ли благоугождать плоти?

Но что такое Церковь въ которой предлагаются такие вопросы.

Община — святое дѣло по идеѣ.

Чѣмъ она стала? Мѣстомъ подкупа, сдѣлки и постоянной измѣны.

Слава Богу, часто святыя рѣчи слышали мы и въ „Словѣ Церкви“, еще болѣе въ „Старообрядческой Мысли“

Но только они.

Старообрядческий епископъ Михаилъ.

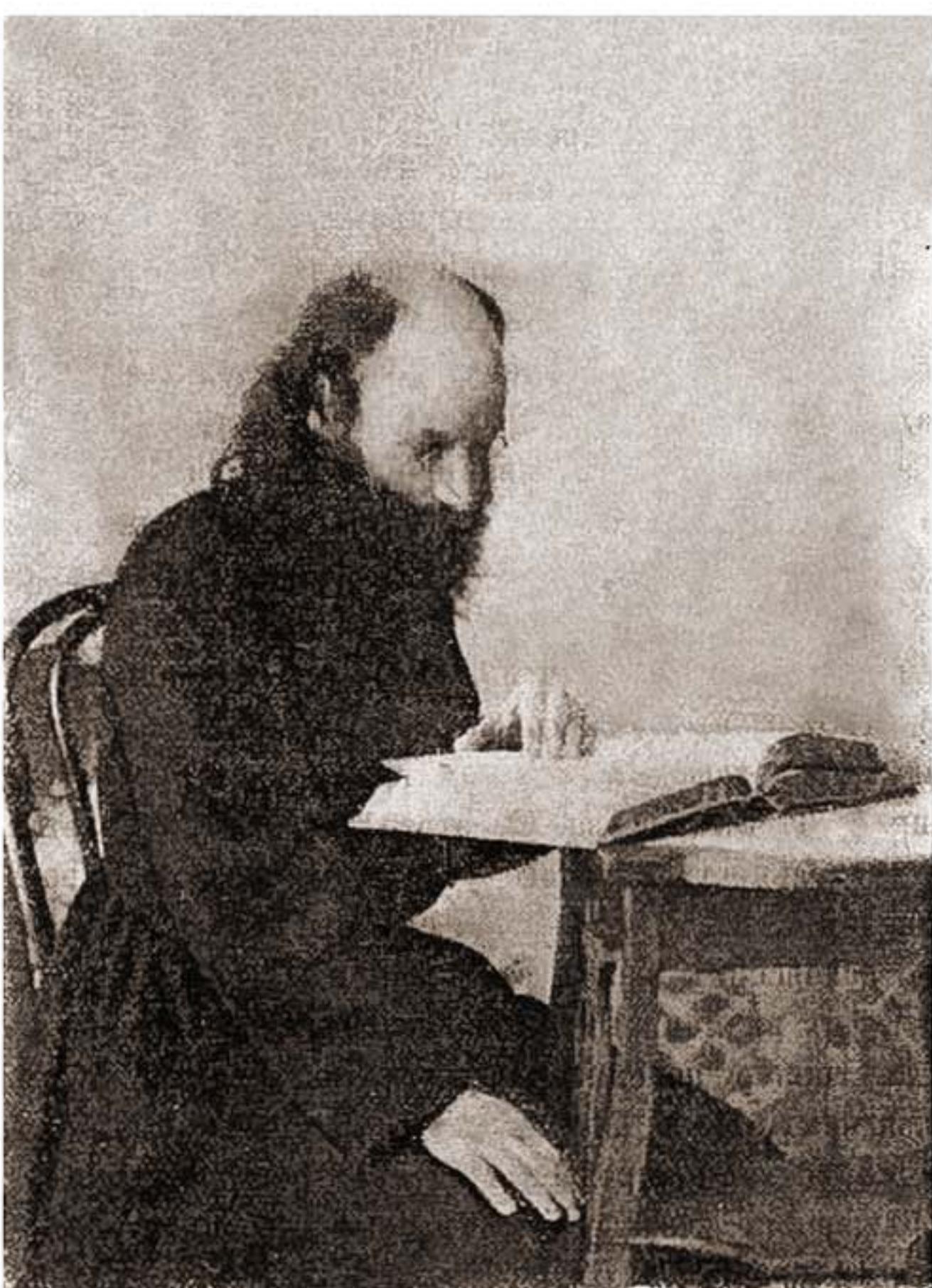
Киръ Михаилъ епископъ Канадскій.

Тяжелую, едва ли вознаградимую, потерю понесло старообрядчество. Прервалась жизнь выдающегося архиепископа старообрядческой Церкви. 27 октября, въ Москвѣ, смертью мученица, въ цветущихъ годахъ, скончался епископъ Михаилъ.

Въ мірѣ Павелъ Васильевичъ Семеновъ, сынъ кантониста, еп. Михаилъ родился въ іюнѣ 1873 года въ Симбирской губерніи. Первоначальное воспитаніе и образованіе, въ духѣ господствующей церкви, онъ получилъ сначала въ местномъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ Симбирской духовной семинаріи, где числился однимъ изъ первыхъ учениковъ. Окончивъ

*) Грамматич. ошибка еп. Михаила.

около 1895 г. семинарию, для получения дальнѣйшаго образованія, онъ былъ опредѣленъ на казенную стипендию въ Московскую духовную академію. Здѣсь особенное впечатлѣніе изъ всѣхъ академическихъ профессоровъ на молодого увлекающагося студента произвелъ тогдашній ректоръ архимандритъ Антоній (Храповицкій), впослѣдствіи архіепископъ волынскій (нынѣ харьковскій). Подъ непосредственнымъ вліяніемъ послѣдняго здѣсь же, на

Еп. Михаилъ за чтеніемъ книги.

академической скамьѣ, впервые И. Семеновъ заинтересовался и старообрядчествомъ, къ которому онъ съ этихъ поръ начинаетъ относиться съ большой любовью и уваженіемъ. По переводѣ своего наставника на должность ректора Казанской духовной академіи, туда же перешелъ съ третьаго курса и П. Семеновъ, пробывъ въ Московской академіи немнogo болѣе двухъ лѣтъ. Воспитанники Казанской духовной академіи въ это

время переживали периодъ сильного увлечения иночествомъ. Къ этому влекла ихъ горячая и увлекательная проповѣдь ихъ новаго ректора, который, будучи профессоромъ пастырского богословія, старался также и въ своихъ лекціяхъ проводить идеи аскетического отреченія отъ міра. Конечно этотъ призывъ популярнаго наставника не могъ не захватить и одного изъ наиболѣе уважавшихъ его учениковъ. На послѣднемъ курсѣ П. Семеновъ принялъ монашество съ именемъ Михаила и вскорѣ былъ рукоположенъ въ санъ іеромонаха. Казанскую духовную академію онъ окончилъ въ 1899 году съ званіемъ кандидата богословія, по первому разряду. Вскорѣ послѣ окончанія академіи, въ началѣ 1900 г. онъ поступилъ въ Воронежскую духовную семинарію преподавателемъ гомилетики и пастырского богословія, гдѣ и занималъ эту должность два съ половиною года. Въ периодъ служенія его въ Воронежской семинаріи началась и его учен.-литературная дѣятельность. Въ 1901 году іеромонахъ Михаилъ блестяще защитилъ передъ своей *alma mater* диссертaciю на тему: „Законодательство римско-византійскихъ императоровъ о внешнихъ правахъ и преимуществахъ церкви“ (отъ 313 до 565 года), и получилъ званіе магистра богословія. Къ этому же времени относится его изслѣдованіе: „Собрание церковныхъ уставовъ константинопольского патрiархата, 1858—1899 гг., въ русскомъ переводе, съ исторіей ихъ происхожденія“ (Казань, 1902 г.), написанное имъ въ резуль-татѣ поездки на Ближній Востокъ и занятій въ тамошнихъ библіотекахъ. Съ 1 сентября 1902 г. о. Михаилъ назначается доцентомъ Петроградской духовной академіи по кафедрѣ канонического права, на мѣсто ушедшаго въ отставку проф. Т. В. Барсова. Съ этого времени начинается широкая и плодотворная дѣятельность молодого ученаго-іеромонаха. Кроме учебныхъ занятій въ академіи, въ 1902—3 гг. онъ выступаетъ съ цѣльнымъ рядомъ публичныхъ богословскихъ лекцій въ Соляномъ городкѣ, принимаетъ дѣятельное участіе въ знаменитыхъ петроградскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ, гдѣ горячо полемизируетъ съ известными „богоискателями“ Д. С. Мережковскимъ, Н. М. Минскимъ, В. В. Розановымъ и иѣкоторыми другими, а также усиленно предается литературно-публицистическимъ тру-дамъ. Многообѣщающій ученый, талантливый публицистъ и незаурядный ораторъ, онъ невольно заставлялъ обращать на себя вниманіе петроград-скаго общества, такъ или иначе причастнаго къ религіознымъ и литера-турнымъ вопросамъ.

Съ августа 1904 года по порученію академіи іеромонахъ Михаилъ на-ходился въ заграничной ученой командировкѣ и въ продолженіе около 5 мѣсяцевъ занимался въ книгохранилищахъ Константинополя, Афона, Со-луни и Вѣны. Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы „за усердное и по-лезное служеніе богословской наукѣ“ онъ былъ произведенъ въ санъ архимандрита, а въ сентябрѣ 1905 г. избранъ совѣтомъ академіи въ экстраординарные профессора. Передъ молодымъ высокоталантливымъ уче-нымъ открывается блестящая карьера: будущее сулитъ ему санъ ректора,

архіерейскую митру, полную материальную обеспеченность. Но... не эти „идеалы“ жили въ душѣ о. Михаила. Слишкомъ чутка и чиста была его совѣсть, чтобы удовлетвориться подобнымъ „благополучіемъ“. Какъ человѣкъ пытливаго ума и серьезный наблюдатель жизни онъ скоро убѣдился, какъ далеко отстоятъ его взгляды и убѣжденія отъ идеаловъ синодальной церкви. Слова Достоевскаго о „находящейся въ параличѣ церкви“ онъ постепенно провѣрялъ въ глубинахъ своей души, пока наконецъ лично не убѣдился въ ихъ полной правдивости. Въ 1905—6 гг. онъ горячо привѣтствуетъ смѣлыхъ выступленія нѣкоторыхъ членовъ господствующей церкви противъ синодального вѣдомства и его антиканонической системы управлѣнія. Деятельное участіе принималъ онъ и въ извѣстномъ кружкѣ 32-хъ петроградскихъ священниковъ, возвысившихъ свой голосъ на защиту церковной свободы. Вмѣстѣ съ этимъ о. Михаилъ весьма много способствовалъ развитію и укрѣплѣнію религіозныхъ чувствъ, пробудившихся тогда въ широкихъ массахъ русского общества. Свою публицистическую дѣятельность, развившуюся къ этому времени до очень значительныхъ размѣровъ, онъ посвятилъ почти исключительно вопросамъ религіознаго самосознанія. Особую серію талантливо и художественно написанныхъ брошюръ-бесѣдъ, лекцій и писемъ онъ специально предназначилъ „для ищущей Бога интеллигентіи“. Такую же независимость проявилъ онъ и въ вопросахъ общественно-политическихъ, считая позорнымъ для церкви намѣчавшійся тогда союзъ съ „правыми“ организаціями. Эти обстоятельства, конечно, рано или поздно должны были привести архимандрита Михаила къ разрыву съ синодальной іерархией. Въ скоромъ времени дѣйствительно это и случилось. За свои правдивыя и слишкомъ откровенные сужденія о казенной церкви и синодѣ, а также политическіе взгляды въ ноябрѣ 1906 г. онъ вынужденъ былъ покинуть академію, гдѣ только что готовился къ защищѣ своей докторской диссертациі („Брачное право русской церкви“). Изслѣдованіе въ области „обоихъ правъ“), и его отправили въ ссылку въ Задонскій монастырь. Послѣ „самовольнаго“, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, оставленія послѣдняго, онъ былъ преданъ консисторскому суду и обвиненъ въ солидарности, по политическимъ взглядамъ, съ партіей народныхъ соціалистовъ. Консисторія приговорила его къ отправкѣ „на покаяніе“ въ Валаамскій монастырь. Однако на Валаамъ архимандритъ Михаилъ не поѣхалъ. Еще до своей поїздки въ Задонскъ онъ вошелъ въ сношенія со старообрядческимъ епископомъ Иннокентіемъ и находясь съ нимъ въ перепискѣ, уже въ то время убѣдился въ правотѣ и законности старообрядческой церкви и ея іерархіи. Теперь онъ рѣшилъ окончательно вступить въ лоно старообрядческой Христовой Церкви. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1907 г. онъ явился въ Нижній Новгородъ и по порученію епископа Иннокентія старообрядческимъ священникомъ, черезъ миропомазаніе, былъ присоединенъ къ старообрядчеству. Въ отвѣтъ на это синодъ поспѣшилъ извергнуть его изъ сана, но было поздно: о. Михаилъ сталъ уже старообрядческимъ архимандритомъ.

Переходъ въ старообрядчество о. Михаила вызвалъ оживленные толки въ печати. Газеты самыхъ разнообразныхъ направленій чуть ли не каждый день высказывали свои соображенія и догадки по этому поводу. Возникла своего рода цѣлая литература вокругъ этого вопроса. На ряду съ немногими вѣрными сужденіями въ ней говорилось много всякаго вздора, передавались нелѣпые и прямо злонамѣренные слухи. Враги старообрядчества, наемные защитники „казеннаго православія“, не постыдились создать легенду о томъ, что будто бы покойный ушелъ къ старообрядцамъ для избѣжанія наказанія и ради материальныхъ выгодъ. О невозможности для себя оставаться болѣе въ числѣ сыновъ господствующей церкви, незадолго до своего официального перехода, самъ о. Михаилъ повѣдалъ горячо и страстно въ своей статьѣ „Разрушающаяся церковь“ (№ 9 ж. „Старообрядецъ“ 1907 г.), подписанной псевдонимомъ „Священникъ, которому больно“, а также въ своей „Маленькой исповѣди“, напечатанной въ московской газетѣ „Нашъ Понедѣльникъ“. Почему пришелъ онъ въ Церковь старообрядческую—объ этомъ перешедшій, со свойственной ему искренностью и правдивостью, сказалъ въ первой своей рѣчи въ храмѣ Горинской старообрядческой богадѣльни въ Саратовѣ. „Я ушелъ,—говорилъ онъ,—отъ церкви рабьей къ церкви свободной. Ушелъ отъ церкви, смѣшавшей Божіе и кесарево и предающей за кесарево часто самую правду Христову, къ Церкви, которая никогда и ни за что не предавала и не продавала истины... Меня влекли святые тѣни свободныхъ слугъ Евангелія, безъ уступокъ и оглядокъ отдавшіе себя ему,—тѣни Аввакума, Феодосіи Морозовой... Я шелъ за ними и пришелъ сюда“.

Со ст. „Разрушающаяся церковь“ начинается сотрудничество архимандрита Михаила въ старообрядческихъ журналахъ, сначала въ „Старообрядцѣ“ (конецъ 1907 г.) и „Старообрядцахъ“ (1908—9 гг.), и затѣмъ въ „Старообрядческой Мысли“ (съ самого начала существованія журнала), „Старой Руси“, „Церкви“, (съ 1908 г.) и „Словѣ Церкви“. Уже первые статьи апологетико-полемического и духовно-нравственного характера, а также нѣсколько беллетристическихъ произведеній изъ исторіи старообрядчества, помѣщенные въ этихъ журналахъ, поставили его въ первые ряды старообрядческихъ писателей и завоевали ему симпатіи всего мыслящаго старообрядчества, не исключая и широкихъ массъ читателей. Лѣтомъ 1908 г. вмѣстѣ съ Ф. Е. Мельниковымъ, старообрядческій архимандритъ Михаилъ выступаетъ въ публичныхъ собесѣданіяхъ съ миссионерами господствующей церкви на миссионерскомъ съездѣ въ Кіевѣ. 20 іюля онъ прекрасно проводить свою знаменитую бесѣду съ синодальнымъ миссионеромъ прот. Крючковымъ. Возрастающая популярность его среди старообрядчества вызвала на него рядъ административныхъ карѣ: къ нему предъявили обвиненіе въ политическомъ преступленіи, лишили права жительства въ столицахъ и отдали подъ надзоръ полиціи. Въ виду таковыхъ обстоятельствъ онъ поселился на жительство, въ томъ же 1908 г., въ Бѣлоостровѣ,

неподалеку отъ Петрограда, близъ финляндской границы. Однако всѣ эти репрессіи не могли поколебать той любви и уваженія къ о. Михаилу, которые питались къ нему въ старообрядчествѣ. На Освященомъ Соборѣ старообрядческихъ епископовъ 1908 г. поднимается вопросъ о возведеніи его на одну изъ вдовствующихъ старообрядческихъ епархій. Соборъ назначаетъ его въ кандидаты и постановляетъ: „собратъ о немъ болѣе точныя свѣдѣнія, о его жизни въ господствующей церкви, и—по присоединеніи“. Около этого же времени, однимъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей московского старообрядчества было получено письмо изъ Канады (С. Америка) съ просьбою о присылкѣ духовнаго лица для исправленія необходимыхъ христианскихъ требъ среди многочисленныхъ прѣѣзжающихъ туда русскихъ переселенцевъ, въ томъ числѣ и старообрядцевъ. Намѣчалась даже возможность учрежденія специальной старообрядческой кафедры. Епископъ Иннокентій, принимавшій близкое участіе въ этомъ дѣлѣ, убѣдилъ о. Михаила согласиться на предложеніе изъ Америки и на свой рискъ и страхъ 20 ноября 1908 г. единолично рукоположилъ его во епископа на канадскую епархію. Какъ известно, тайное постановленіе стало скоро явнымъ. Въ февралѣ слѣдующаго года въ Москвѣ былъ созванъ по этому поводу Освященный Соборъ, который наложилъ временное запрещеніе въ священнослуженіи на ставившаго и ставленника. Очередной Соборъ епископовъ въ августѣ этого же года, разрѣшивъ служеніе еп. Иннокентію, постановилъ о еп. Михаилѣ, чтобы онъ, послѣ изученія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ старообрядческаго священнослуженія, отправился въ епархію, на которую былъ рукоположенъ, съ предупрежденіемъ, что въ противномъ случаѣ ему будетъ воспрещено всякое священнослуженіе. Создавшаяся обстановка, какъ известно, никакъ не зависѣвшая отъ воли еп. Михаила, помѣщала ему исполнить постановленіе Освященного Собора, почему Соборомъ 1910 г. ему окончательно было воспрещено священодѣйствіе. Непосредственно послѣ этого постановленія наступилъ періодъ тяжелыхъ нравственныхъ испытаній для епископа Михаила, доставившихъ ему немало душевныхъ волненій. Уже ранѣе, нѣкоторые изъ такъ называемыхъ „ревнителей“ старообрядчества, ревнителей не по разуму, указывали на вредное, яко бы, направленіе его литературной дѣятельности. Послѣ Собора 1910 г. это теченіе противъ еп. Михаила особенно усилилось. Къ прискорбію, нужно сознаться, къ этому были причастны и нѣкоторые изъ старообрядческихъ іерарховъ. Выдающемся старообрядческому писателю-богослову предъявили многочисленныя обвиненія въ цѣломъ рядѣ „ересей“ и „смѣшновъ“. Несостоятельность всѣхъ этихъ обвиненій была блестяще опровергнута обвиняемымъ. Однако самый фактъ обвиненія не остался безъ вліянія на вопросъ о его разрѣшеніи. Несмотря на многократныя прошенія разныхъ общинъ, приходовъ и даже епархій, Освященные Соборы подъ давленіемъ тѣхъ же „ревнителей“, въ теченіе болѣе 6 лѣтъ не находили возможнымъ разрѣшить священнослуженіе еп. Михаилу. И только незадолго до смерти,

по инициативѣ архіеп. Мелетія и еп. Александра, съ согласія и прочихъ епископовъ (выраженнаго по телеграфу), это запрещеніе съ покойнаго было снято.

Въ своей одинокой, скромной квартирѣ въ Бѣлоостровѣ провелъ еп. Михаилъ почти весь послѣдній періодъ своей жизни. Никуда не выѣзжая онъ посвящалъ все свое время и силы литературной работѣ. Кроме старообрядческихъ журналовъ онъ сотрудничалъ во многихъ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ, а также въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ (по вопросамъ духовно-нравственнымъ). Для старообрядческихъ школъ и института имъ было написано нѣсколько учебниковъ: по Закону Божію, богослуженію, церковной истории, богословію. Однако не прерывалъ онъ въ это время и личныхъ сношеній со старообрядческимъ обществомъ: изрѣдка бывая въ Петроградѣ онъ посѣщалъ Громовское кладбище, гдѣ, съ разрешеніемъ еп. Геронтия, иногда произносилъ въ храмѣ глубокоопоучительные проповѣди. Въ августѣ прошлаго года еп. Михаилъ покинулъ Бѣлоостровъ и поселился въ Симбирскѣ у своихъ родственниковъ. Здѣсь, не покидая литературныхъ занятій, онъ прожилъ болѣе года. Его творческое воображеніе и мысль продолжали неустранно работать: къ будущему году онъ готовилъ рядъ новыхъ вещей для старообрядческихъ журналовъ. Но совершенно неожиданно въ полномъ расцвѣтѣ силъ и способностей прервалась его дорогая жизнь.

Въ Симбирскѣ онъ заболѣлъ первымъ разстройствомъ и, по совету врачей, въ началѣ октября отправился съ своей сестрой для лѣченія въ Петроградъ. На станціи „Сортировочной“ М.-Казанской ж. д. 15 октября онъ сошелъ съ поѣзда и... куда-то скрылся. Пріѣхавъ въ Москву, сестра его А. В. Ильина извѣстила о случившемся московскихъ старообрядцевъ. Были приняты мѣры для розыска пропавшаго, но все было напрасно: еп. Михаилъ безслѣдно исчезъ. Такъ продолжалось 10 дней. 25 октября совершенно случайно еп. Михаилъ былъ обнаруженъ корреспондентомъ одной изъ московскихъ газетъ въ Старо-Екатерининской больницѣ. Немедленно было дано знать на Рогожское кладбище. По распоряженію архіепископа Мелетія священникъ о. И. Грищенковъ пріѣхалъ въ больницу, чтобы его пріобщить. Вместѣ съ нимъ прибылъ преподаватель старообрядческаго института, сотрудникъ нашего журнала, С. Г. Омичевъ. Епископъ Михаилъ былъ въ весьма тяжеломъ положеніи; о. И. Грищенковъ предложилъ ему пріобщиться св. Тайнѣ. Владыка съ радостію сказалъ: „желаю, желаю“. На вопросъ о. Іоанна,—можетъ вы сами, владыко, пріобщитесь?—сказалъ: „не могу—пріобщите вы“. Когда владыка поднесли подъ голову крестъ, онъ впился въ него и долго держалъ у губъ, но потомъ рука беспомощно опустилась. Владыка былъ въ полной памяти и узнавалъ окружающихъ, хотя и не могъ отъ слабости много говорить. Какъ выяснилось впослѣствіи, со станціи „Сортировочной“ еп. Михаилъ пѣшкомъ пришелъ въ Москву и бродилъ по ея улицамъ въ продолженіе трехъ дней. Съ него

сняли всю одежду, надѣвъ взамѣнъ ея какіе-то лохмотья. Въ ночь на 19 октября больной случайно зашелъ въ одинъ изъ извозчичихъ постоянныхъ дворовъ на 1-й Мѣщанской улицѣ. Войдя въ помѣщеніе, гдѣ спали ломовые, онъ потушилъ лампу и хотѣлъ взобраться на нары, но разбудилъ одного изъ спящихъ. Въ поднявшейся суматохѣ его приняли за вора и, повидимому, жестоко избили, связавъ при этомъ вожжами. Разсказываютъ, что въ отвѣтъ на сыпавшіеся на него удары, страдалецъ отвѣчалъ лишь однимъ словомъ: „аминь! аминь!“ Утромъ 19 съ дворникомъ еп. Михаилъ былъ отправленъ въ Старо-Екатерининскую больницу, гдѣ его приняли, какъ неизвѣстнаго. Какъ показало медицинское изслѣдованіе, избиеніе страдальца было жестокимъ: у него оказались сломанными 4 ребра и ключица; и серьезно повреждена лѣвая рука; кроме того все тѣло было покрыто ссадинами и кровоподтеками. Въ больницѣ у больного температура поднялась и моментами онъ находился въ безсознательномъ состояніи. 26 октября днемъ въ закрытомъ автомобилѣ владыка былъ перевезенъ на Рогожское кладбище; его помѣстили въ отдельной комнатѣ въ мѣстной больницѣ. Несмотря на сильный жаръ и мучительные страданія, онъ повидимому былъ доволенъ, что его перевезли на Рогожское, узналъ своихъ родственниковъ и посѣтившаго его еп. Александра. Однако онъ все чаще и чаще впадалъ въ забытье. Утромъ 27-го его соборовали три священника. Послѣ этого онъ находился все время въ безчувствіи. Деятельность сердца ослабѣвала все болѣе и болѣе. Въ исходѣ второго часа дня епископа Михаила не стало. Печальный перезвонъ Рогожскихъ колоколовъ возвѣстилъ о кончинѣ страдальца-святителя.

Въ своей личной жизни еп. Михаилъ былъ необычайно скромный, нетребовательный человѣкъ. Чувство евангельского отношенія къ близкимъ и ко всему окружающему всегда жило въ его чуткой душѣ. Видный профессоръ и публицистъ, съ блестящимъ положеніемъ въ литературныхъ и учевыхъ кругахъ, онъ довольствуется лишь самымъ необходимымъ для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей. Въ предоставленной ему обширной академической квартирѣ онъ заперъ всѣ комнаты, кроме одной, что находилъ вполнѣ достаточнымъ для себя. Въ своемъ жизненномъ обиходѣ онъ былъ такъ же простъ и неприхотливъ: избѣгалъ всякой роскоши, употреблялъ, болѣе чѣмъ умѣренно, самую скромную пищу и питье. Работая чуть ли не цѣлые сутки, онъ всего лишь насколько часовъ (4—5) удѣлялъ сну. Отдыха, въ обычномъ смыслѣ, для него не существовало: „отдыхалъ“ онъ обыкновенно за чтеніемъ какого-либо беллетристического произведенія. Добывая литературнымъ трудомъ отъ 5 до 7 тысячъ рублей въ годъ, еп. Михаилъ, въ силу своей нестяжательности, никогда не имѣлъ свободныхъ денегъ. Кромѣ помощи родственникамъ, онъ не отказывалъ также ни одному нуждающемуся или бѣдняку, который къ нему обращался. Часто отдавалъ онъ неимущимъ свою собственную одежду, пальто, сапоги и т. п. Въ 1907 году онъ прїехалъ въ Нижній Новгородъ букваль-

но съ одной копейкой денегъ и поэтому съ вокзала (около 6 в.) шелъ пѣшкомъ, хотя наканунѣ этого дня получилъ въ Москвѣ авторскаго гонорара болѣе ста рублей. Природная мягкость и деликатность въ обращеніи дѣлали его неспособнымъ кого-либо обидѣть или оскорбить. Ввообще въ своемъ нравственномъ обликѣ это былъ человѣкъ съ кристально-чистой душой, не только на словахъ, но и на дѣлѣ умѣвшій проводить высшіе завѣты христіанской любви и милосердія.

Нельзя не помянуть о покойномъ, какъ о замѣчательнѣйшемъ старообрядческомъ проповѣднику нашего времени. Ораторъ „Божію милостію“, онъ сумѣлъ дать своему значительному таланту надлежащую отдѣлку и оправу, такъ гармонировавшую съ той обстановкой, въ которой болѣе всего ему приходилось говорить. Обладая несильнымъ, мягкимъ голосомъ, онъ однако овладѣвалъ слушателями, благодаря той неподдѣльной искренности, тому чувству, которымъ онъ вкладывалъ въ содержаніе своихъ рѣчей. У всѣхъ, слышавшихъ проповѣди еп. Михаила, навсегда останется въ памяти впечатлѣніе о высокой религіозной художественности.

Громадное значеніе имѣлъ епископъ, какъ выдающійся церковный писатель. Искренній въ жизни и во всемъ, онъ прежде всего былъ искреннимъ и въ своихъ литературныхъ твореніяхъ. Началъ писать онъ, еще будучи въ семинаріи, и, какъ добрый и вѣрный рабъ, онъ воистину не зарывалъ своего высокаго дарованія. Оставленное имъ литературное наслѣдство огромно и отличается большимъ разнообразіемъ. Онъ писалъ по вопросамъ богословскимъ и апологетическимъ, по вопросамъ брака и воспитанія, церковной жизни, быта духовенства; есть его статьи по „соціальному вопросу“, а также философскія драмы и повѣсти изъ прошлаго старообрядчества. Кроме указанныхъ уже ранѣе сочиненій отмѣтимъ наиболѣе выдающіяся изъ писаній еп. Михаила: *Дѣй системы отношеній государства къ церкви*. Рѣчь на магистерскомъ диспутѣ. (Казань, 1902), *Значеніе общественного богослуженія* (Птг., 1902), *Новое христіанство* („Миссіонерское Обозрѣніе“ 1902 г.), *Психологія таинствъ* (Тамъ же), *О задачахъ церковнаго права* („Христ. Чтеніе“ 1902 г.), *Церковь и евангельскія ліліи* (Птг., 1903), *Въ праведную землю* (Птг., 1903), *Гдѣ жизнь* (Птг., 1903), *Новые и старые пути* (Птг., 1903), *Въ поискахъ лика Христова* (Птг., 1903), *Активно или пассивно христіанство* („Христ. Чт.“ 1903 г.), *Жизнь и совѣсть* (Птг., 1904 г.), *Маленькая церковь* (Птг., 1904 г.), *Имѣеть ли каноническое основаніе 256 ст. устава духовныхъ консисторій?* („Хр. Чт.“ 1904 г.), *А. С. Хомяковъ* („Правосл. Русское Слово“ 1904 г.), *Отчамъ и дѣтямъ* (Тамъ же), *Отзыvъ о кн. Панченко* („Монастырскіе документы и землемѣрческій законъ“), („Византійскій Временникъ“ 1904 г.), *Церковь, литература и жизнь* (Птг. 1905), *Передъ стѣной. Передъ тайной.* (Птг., 1905), *Типы ораторства* („Христ. Чт.“ 1905 г.), *Сумасшествіе, какъ поводъ къ разводу* (Тамъ же, 1906 г.), *Почему намъ не вѣрятъ? Къ церковной реформѣ* (Птг., 1906), серія „*Свобода и христі-*

анство" (Птг., 1906, г.), въ составъ которой входять брошюры: *Проклятые вопросы и христіанство*, *Пророкъ христіанской свободы* (Ламенна), *Женщина наканунѣ ея освобождѣнія*, *Христосъ и Варфоломеевскія ночи*, *Евангеліе мышанъ* (Ренанъ и его Иисусъ), *Отъ марксизма къ иудаизму и нѣк. др.*, *Двѣнадцать писемъ о Христѣ подлинномъ*. Драм-атюдъ: *Уставший царь* (Птг., 1906), подъ псевдонимомъ *Дьякъ Шигоня*, *Христосъ въ вѣкъ машинъ*, *Иисусъ Христосъ въ изящной литературѣ, поэзіи, живописи и скульптурѣ* (2 части, Птг., 1907), *Къ старообрядческой молодежи* ("Старообрядецъ" 1907 г.), *Історія церкви* ("Старообрядцы" 1908 г.); *Апология старообрядчества* ("Церковь" 1908 г. и отдельно), *О вѣрѣ и невѣріи* (М. 1908), всѣ *Бесѣды противъ сектантовъ* (М. 1909), *Горящій огнемъ* (М. 1908), *Боярыня Морозова* (М. 1909), *Прошлое и современные задачи старообрядчества* (М. 1910), *Методика преподаванія Закона Божія* (М. 1910), *Какъ спастись въ міру* (1911 г.), *На зарѣ христіанства* ("Церковь" 1912 г.), *Великий разгромъ* (М. 1913), *Второй Римъ* ("Церковь" 1913 г.), *За Христовыи ликомъ* (Тамъ же, 1914 г.), *Передъ Стоглавымъ соборомъ* (Тамъ же, 1915 г.), *Прекрасная пустыня* (Тамъ же, 1916 г.). Въ разное время покойный принималъ участіе въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: въ *"Отдыхъ Христіанина"*, *"Церковно - общественномъ Вѣстнике"*, *"Современномъ Словѣ"*, *"Рѣчи"*, *"Биржевыхъ Вѣдомостяхъ"*, *"Утрѣ Россіи"*, *"Южномъ Краѣ"*, *"Кievской Мысли"*, *"Красномъ Звонѣ"*, *"Слушай земля"*, *"Новая Земля"* и нѣк. др. Большинство твореній еп. Михаила представляютъ большую цѣнность, въ особенности для насъ, старообрядцевъ. Лучшимъ памятникомъ для покойного было бы собраніе ихъ всѣхъ въ одно изданіе, или хотя бы тѣхъ изъ нихъ, которые написаны въ старообрядчествѣ. Такова была, въ краткихъ чертахъ, жизнь еп. Михаила.

Отошелъ ко Господу виднѣйшій и достойнѣйшій святитель старообрядческой церкви, посвятившій всю свою жизнь неустанной проповѣди высшихъ христіанскихъ началъ. Ушелъ изъ міра сего одинъ изъ проникновеннѣйшихъ носителей правды Христовой. Да успокоитъ Господь его душу въ небесныхъ селеніяхъ!

П. В.—въ.

Послѣдніе часы жизни епископа Михаила и его погребеніе.

Перевезенный 26 октября изъ Старо-Екатерининской больницы въ лечебницу Рогожского кладбища епископъ Михаилъ провелъ слѣдующую затѣмъ ночь въ тяжелыхъ страданіяхъ.

Утромъ слѣдующаго дня надъ болѣющимъ было совершено тремя священ-

никами Рогожского кладбища святое таинство Елеосвященія, а около 2 час. дня святитель-страдалець тихо почилъ о Господѣ.

Послѣ омовенія тѣла, почившій епископъ Михаилъ былъ облаченъ во всѣ святительскія одежды, послѣ чего надъ его тѣломъ была совершена первая заупокойная панихида.

28-го, въ 9 часовъ утра, совершенъ былъ чинъ положенія во гробъ тѣла почившаго святителя, и послѣ заупокойной литіи, совершенной преосвященнымъ епископомъ Александромъ, при печальномъ колокольномъ перезвонѣ, съ крестнымъ ходомъ, тѣло епископа Михаила духовенствомъ Рогожского кладбища, во главѣ съ епископомъ Александромъ, было перенесено изъ лечебницы въ Христорождественскій храмъ. Въ храмѣ въ это время совершалась Божественная літургія. По принесеніи въ храмъ тѣла почившаго, надъ нимъ была совершена қраткая заупокойная літія, а по окончаніи літургіи — панихида. Панихиду совершалъ высокопреосвященный архіепископъ московскій Мелетій, въ сослуженіи съ епископомъ Александромъ и кладбищенскимъ духовенствомъ, при пѣніи хора пѣвцовъ храмовъ Рогожского кладбища.

Въ 6 часовъ вечера опять совершалъ панихиду владыка архіепископъ Мелетій при участіи кладбищенского духовенства, при пѣніи хора воспитанниковъ московского старообрядческого института.

Во время пребыванія тѣла почившаго въ Христорождественскомъ храмѣ священнослужителями поочерѣдно совершалось чтенія св. Евангелія.

Утромъ 29 тѣло почившаго, по требованію слѣдственныхъ властей, было перевезено въ институтъ судебной медицины (на Дѣвичьемъ полѣ). Отстранить необходимость вскрытия тѣла епископа Михаила не удалось представителямъ старообрядцевъ, несмотря ни на какие доводы.

Послѣ изслѣдованія, гробъ съ тѣломъ почившаго снова былъ возвращенъ въ Христорождественскій храмъ.

Когда прибыло тѣло къ храму, въ это время совершалось владыкой архіепископомъ, въ сослуженіи съ кладбищенскимъ духовенствомъ, всенощное бдѣніе. Узнавъ, что прибыло тѣло епископа Михаила, владыка архіепископъ Мелетій съ прочимъ духовенствомъ встрѣтилъ его въ притворѣ храма, и затѣмъ гробъ былъ внесенъ священниками въ храмъ и поставленъ среди него.

По окончаніи всенощного бдѣнія, за упокой епископа Михаила были положены обычные 15 поклоновъ.

Въ воскресенье, 30 октября, совершило погребеніе епископа Михаила. На Божественной літургіи, во время „малаго входа“, при пѣніи: „Придите поклонимся и припадемъ Христу“, гробъ съ тѣломъ святителя былъ внесенъ священниками во св. алтарь и поставленъ здѣсь съ правой стороны алтаря.

Послѣ пѣнія Трисвятого, передъ Апостоломъ, гробъ былъ отнесенъ священниками на Горнєе мѣсто, а послѣ прочтѣнія св. Евангелія отнесенъ съ Горняго мѣста и поставленъ на лѣвой сторонѣ алтаря (съ правой стороны св. Престола).

По заамвонной молитвѣ, во время чтенія 33-го псалма: „Благословлю Господа“, священники изнесли гробъ изъ алтаря на середину храма и поставили здѣсь на уготованное мѣсто.

По отпустѣ св. литургіи началось совершение чина погребенія.

Погребеніе, по чину архіерейскому, совершалъ владыки архіепископъ Мелетій, въ сослуженіи съ московскимъ и иногороднимъ духовенствомъ.

Обширный Христорождественскій храмъ Рогожского кладбища едва вмѣщалъ пришедшихъ отдать послѣдній долгъ усопшему святителю—проститься на вѣки здѣсь въ земной жизни.

По прочтеніи св. Евангелія владыкой архіепископомъ, когда пѣвцы запѣли: „Пріндите послѣднєе цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему“, началось прощеніе съ почившимъ страдальцемъ-епископомъ.

Несмотря на многочисленныя стихиры по чину погребенія епископскаго и протяжное ихъ пѣніе пѣвцами (кстати сказать, довольно воодушевленное), почитатели почившаго не успѣли съ нимъ проститься, и пришлось сдѣлать немалый промежутокъ въ чинѣ погребенія, чтобы дать возможность всѣмъ проститься съ епископомъ-страдальцемъ.

Когда закончилось прощеніе, владыка архіепископъ полилъ освященнымъ масломъ тѣло почившаго, и послѣ сего гробъ, поднятый на плечи священниковъ, былъ изнесенъ изъ храма и перенесенъ къ могилѣ. Во время шествія гробъ былъ трижды останавливаемъ, для совершения краткихъ литій: въ первый разъ—противъ храма Воскресенія Христова; во второй разъ—при входѣ на кладбище и въ третій разъ—у самой могилы.

При печальному колокольномъ перезвонѣ, перенесеніе тѣла почившаго къ уготованной могилѣ совершалось въ слѣдующемъ порядке: впереди были несены священниками Св. Крестъ и запрестольные иконы, въ окруженіи четырехъ паръ хоругвей, которые несли воспитанники московского старообрядческаго института; затѣмъ слѣдовалъ священникъ съ св. Евангеліемъ; далѣе шествовали по-парно священники; за ними несомъ былъ священниками гробъ съ тѣломъ почившаго, въ преднесеніи стихарными дикирія и трикирія. Два діакона надъ гробомъ держали рициды, а за гробомъ слѣдовалъ владыка архіепископъ. Пѣвцы пѣли „Святый Боже“.

По прибытии къ мѣсту погребенія были прочитаны владыкой архіепископомъ и о. Іоанномъ Грищенковымъ положенные разрѣшительныя молитвы; послѣ чего гробъ былъ опущенъ въ могилу, и по усопшемъ совершено обычное моленіе съ 15 поклонами.

Погребенъ владыка Михаилъ на давно избранномъ почетномъ для погребенія старообрядческихъ архіереевъ мѣстѣ, во второмъ ряду, слѣдующемъ за рядомъ, предназначенномъ для погребенія архіепископовъ.

Преклоняясь предъ страданіемъ въ теченіе всей твоей жизни, святитель-мученикъ, желаемъ твоей душѣ мира хотя за гробомъ.

Не забудь насъ своимъ прощеніемъ и молитвой предъ Господомъ.

Святая душа.

Онъ ушелъ отъ насъ...

Тернистый, крестный путь былъ пройденъ до конца.

Страшно и жутко становится за насъ самихъ.

Еще недавно прошлое воскресаетъ передъ нами. Талантливый ученый экстраординарный профессоръ канонического права Петроградской духовной академіи архимандритъ Михаилъ съ жаромъ читаетъ лекціи, съ упоеніемъ пишетъ въ газетахъ и журналахъ, участвуетъ во всевозможныхъ кружкахъ и собраніяхъ.

Въ своемъ служеніи человѣчеству онъ забываетъ себя. Изъ 9 комнатъ, предоставленныхъ ему академіей, онъ 8 закрываетъ и поселяется въ одной, служащей всѣхъ устраиваетъ и обслуживаетъ самъ себя.

И въ своемъ искреннемъ и непредубѣжденномъ служеніи завѣтамъ Христа, онъ, конечно, сразу понялъ фальшь той среды, въ которой находился. Вѣруя въ соборность Церкви, онъ постигъ кощунственное безбожіе нашей реакціи, не могъ скрывать происшедшаго въ немъ перелома...

Онъ становился на сторону раскрѣпостителей церкви. Участвуетъ въ запискѣ 32 священниковъ о реформѣ синодальной церкви. Вполнѣ понятно, что онъ сталъ послѣ этого непріемлемымъ для казенной церкви.

Архимандритъ Михаилъ подвергается опалѣ. Ссыдаются въ Задонской монастырь на заточеніе. Не заглушаютъ глухія стѣны обители горящаго духа въ Михаилѣ. Онъ открыто объявляетъ себѣ народнымъ соціалистомъ и ищетъ мать Церковь тамъ, где идеаломъ стоитъ Царствіе Божіе, какъ на небѣ, такъ и на землѣ.

Божіе провидѣніе толкнуло его въ старообрядчество. Архимандритъ Михаилъ, попавъ въ старообрядчество, увѣровалъ въ него и съ присущей ему энергией отдался служенію Святой Христовой Церкви. Разѣжаетъ по городамъ, говоритъ проповѣди, сотрудничаетъ въ старообрядческихъ журналахъ. Знакомить всю образованную массу и проповѣдуетъ ей старообрядчество, участвуя почти во всѣхъ первоклассныхъ газетахъ и журналахъ не только въ Россіи, но и за границей.

Но судьба насыпалась надъ благими порывами Михаила.

Тайное рукоположеніе на канадскую кафедру, хотя совершенное и съ благими намѣреніями—вызвало цѣлую бурю протеста и подозрѣніе на дѣятельность епископа Михаила.

Поѣзда въ Канаду сорвалась на полпути... Вместо свободной проповѣди о старообрядчествѣ въ свободолюбивой Америкѣ—ночлежка въ Гаврѣ, а затѣмъ скамья подсудимыхъ.

Безропотно, съ глубокимъ смиреніемъ перенесъ владыка наложенное на него епископами наказаніе.

Почти все время онъ прожилъ въ Бѣлоостровѣ въ холодной каморкѣ.

Посѣтители рассказывали, что когда они были у епископа Михаила въ комнатѣ, то у нихъ застывали ноги, хотя они были въ теплыхъ чулкахъ и калошахъ. На вопросъ, какъ вы живете, владыко, вѣдь у васъ 5—6 градусовъ?—владыка, улыбаясь, отвѣчадъ: „ничего, я привыкъ, рядомъ хозяйка квартиру топить, ну около стѣнки и пригрѣюсь“...

Владыка жилъ скромно. Ниль чай, о столѣ нормальномъ не могло быть и рѣчи—ѣдъ что попадо.

Большую часть времени удѣлия писательству, онъ зарабатывалъ огромныя деньги—отъ 4000 до 6000 рублей въ годъ. И никогда они въ его

Н. Д. Зенинъ и еп. Михаиль.

карманѣ не лежали. Весь его гонораръ уходилъ на неимущихъ, не забывалъ владыка и своихъ родственниковъ по плоти.

Нерѣдко владыка снималъ свои сапоги, калоши и отдавалъ просящимъ. Свой чемоданъ на вокзалѣ клалъ всегда на скамейкѣ, не сдавая въ багажную. Очень часто его обворовывали, пользуясь его простотой.

Владыка имѣлъ всегда возможность найти пріютъ у богатыхъ московскихъ или петроградскихъ купчихъ, но онъ ни разу не воспользовался ихъ гостепріимствомъ, а ночевалъ или у своихъ друзей или въ ночлежкѣ.

Епископъ Михаиль не ушелъ въ пустыню, а жилъ все время въ міру и трудился для міра.

Подобная работа для просвѣщенія не могла быть спокойной. Враги, одни по невѣжеству, а другие по найму, не оставили его въ покое. Нача-

лась травля. Епископа Михаила стали обвинять въ намѣреніяхъ основать какую-то свободную церковь въ старообрядчества. Въ сочиненіяхъ его начались поиски ересей.

Епископу Михаилу было разрешено священодѣйствовать, но при условіи, если онъ, обучившись священодѣйствію по старообрядческимъ чинамъ и обрядамъ, поѣдетъ въ Канаду.

При личномъ свиданіи покойный архіепископъ Іоаннъ между прочимъ заявилъ епископу Михаилу, что онъ „не вѣритъ въ искренность его убѣжденій и что онъ... его измучилъ...“

При такихъ условіяхъ епископъ Михаилъ не только отказался отъ мысли поѣхать въ Канаду, но даже просилъ „не разрешать ему священодѣйствія“.

На вопросъ друзей, зачѣмъ онъ далъ такую подписку—епископъ Михаилъ спокойно отвѣтилъ: „я не хочу, чтобы около моего епископского служенія царила вражда въ старообрядчествѣ“.

Несмотря на такой отвѣтъ, владыка мучился и тяготился запрещеніемъ, о чёмъ послѣ высказывался въ письмахъ своимъ друзьямъ, но открыто просить у собора разрешенія по своей скромности не могъ, считая и сравнивая подобную просьбу съ домогательствомъ:

Архіепископъ Мелетій видимо старался возстановить нарушенную правду и разрешить епископа Михаила, но вмѣшалась новая личность, вѣкто Н. А. Толстой, который заявилъ, что епископъ Михаилъ ставить ксендзовъ для католичества и думаетъ основать униатство для старообрядчества.

Казалось бы подобной сплетнѣ довѣрять нельзя, да и самъ Толстой не заслуживалъ довѣрія, такъ какъ самъ вертѣлся между католичествомъ и господствующей церковью, отъ сотрудничества въ „Русскомъ Словѣ“ дошелъ до сотрудничества въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и вообще человѣкъ, хотя и широко образованный, но шаткий въ своихъ убѣжденіяхъ. Тѣмъ не менѣе этой Толстовской баснѣ повѣрили и вновь дѣло было отложено въ дальній ящикъ.

Епископъ Михаилъ не получалъ помощи отъ общинъ и не принималъ подачекъ отъ сильныхъ міра сего. Жилъ исключительно литературнымъ трудомъ. Но и здѣсь его не оставили въ покое. Пресловутый іерей Гр. Карабиновичъ все время писалъ на соборы доклады о его „ересяхъ“. Хотя соборная комиссія признала сборникъ статей Карабиновича о сочиненіяхъ епископа Михаила написанными недобросовѣстно, тѣмъ не менѣе тѣнь подозрѣнія осталась въ силѣ, и сборникъ этотъ все-таки былъ посланъ епископу Михаилу для отвѣта.

Владыка сначала отказывался давать отвѣтъ на грязные доносы написанные въ духѣ сыскного отдѣленія, но потомъ по просьбѣ друзей далъ отвѣтъ на страницахъ журнала „Старообрядческая Мысль“.

За епископомъ Михаиломъ слѣдили не только въ Москвѣ, но и Петро-

градѣ. Одинъ изъ петроградцевъ тайно ночью подкрался къ комнатѣ, гдѣ долженъ былъ ночевать епископъ Михаилъ, чтобы прослѣдить его интимную жизнь. Лицо это къ великому своему удивленію замѣтило, что епископъ Михаилъ въ полночь всталъ на молитву и всю ночь со слезами на глазахъ молился передъ лицомъ Распятаго Христа. Лицо это передало мнѣ, что послѣ этого случая „я не смѣлъ уже грѣшить противъ епископа и молчалъ объ этомъ до самой смерти, боясь огорчить своимъ открытиемъ покойнаго владыку“.

Жизнь въ гоненіяхъ и физическихъ недостаткахъ надломила слабый организмъ владыки. Здоровье его становилось все хуже и хуже. Душа болѣла, первое разстройство проявлялось все замѣтнѣе и замѣтнѣе. У меня все оборвалось и вымерло—говорилъ владыка.

Теперь епископа Михаила не стало. Все мыслящее старообрядчество оплакиваетъ потерю того, кто всю жизнь проповѣдывалъ „Царствіе Божіе“ радость, счастье, братство здѣсь на землѣ и который не узрѣлъ его.

Миръ праху твоему дорогой владыка. Да упокоитъ тебя Господь въ небесныхъ обителяхъ.

Александръ Зайцевъ.

СЛОВО ПЕТРОГРАДЦЕВЪ НА МОГИЛУ ЕП. МИХАИЛА^{*}).

Божію волю замолкъ проповѣдникъ, выдающійся богословъ; изъ строя церковныхъ дѣятелей выбыла крупная величина; скончался плодовитѣйший писатель. Никто изъ современныхъ епископовъ за немногіе годы епископства не написалъ такъ много въ защиту христіанства, какъ почившій епископъ Михаилъ.

Чувствительная потеря и для старообрядчества, но... свершилось: не стало епископа Михаила.

Прекратился его призывъ любить старообрядчество, творить добро, жить по завѣтамъ Христа, помнить объ единомъ на потребу.

Епископъ Михаилъ оставилъ яркій слѣдъ въ старообрядчествѣ: своими твореніями онъ давно уже воздвигъ себѣ дивный памятникъ; не мало мѣстъ его сочиненій несомнѣнно сдѣлаются любимыми изреченіями для его многочисленныхъ почитателей.

Къ намъ, петроградскимъ старообрядцамъ, ближе чѣмъ къ кому-либо другому, стоялъ почившій владыка; въ стѣнахъ храма Громовскаго кладбища многократно выступалъ онъ съ живымъ, поучительнымъ словомъ.

^{*}) Слово было предназначено произнести при погребеніи еп. Михаила, но не произнесено, вслѣдствіе запрещенія говорить рѣчи—вообще.

Мы должны покаяться, не оценили его таланта, его скромного облика, его доброй души, отзывчивого сердца его, подвижнической жизни его, правдивыхъ рѣчей его, по всему своему складу, какъ бы родившагося для старообрядчества.

Мы передъ епископомъ Михаиломъ въ большомъ долгу: мы не поберегли его. Да будетъ позволено отъ имени всѣхъ сказать послѣдне „прости“, прости насъ Христа ради, владыко святый, и Богъ тебя проститъ.

Страданіями наполнены были многіе годы твоей кипучей жизни; страданіями закончилъ ты свой земной тернистый путь: особенно безжалостна къ тебѣ была судьба въ послѣдніе дни твоего земного бытія; на твою долю выпали предъ кончиною тяжелыя страданія. Да будетъ же тебѣ легка земля Рогожского кладбища. Богъ да упоконитъ душу твою во Царствіи Небесномъ. Вѣчная память незабвенному еп. Михаилу.

Петроградскій старообрядецъ.

Памяти епископа Михаила.

Почилъ епископъ Михаилъ.

Почилъ, какъ мученикъ святой,
Покинутый своей средой:
Средой, которую любилъ.
Высокомѣрная толпа,—
За что ты погубила
Непобѣдимаго столпа,
Твоихъ же мнѣній—Михаила?
Гонимый всѣми онъ скитался,
Не находя себѣ покой,
И покой ему достался
Только въ кельѣ гробовой.
Напрасны слезы... Его ужъ нѣть,
На небѣ онъ теперь пригрѣтъ.
Онъ умеръ... но живутъ,
И будутъ жить его творенья.
И память вѣчную ему поютъ,
И будутъ пѣть, убийцы генъя.

Почитатель.

Киръ Михаилъ епископъ Канадскій.

27 октября въ 1 ч. 30 м. пополудни скончался въ больницѣ Рогожского кладбища Киръ Михаилъ епископъ старообрядческій, Канадскій.

Неисповѣдимы пути Божіи. Трудно предположимое, или даже нѣчто чудесное, хотя и прискорбное, привело Киръ Михаила умереть въ главномъ центрѣ старообрядческаго міра. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что Киръ Михаилъ былъ изгоемъ не только господствующихъ, гдѣ онъ былъ выдающимся въ свое время профессоромъ Академіи, но и среди старообрядчества, которое въ немъ страшно нуждалось какъ въ ученомъ мужѣ, глубоко вѣрующемъ во Христа и Его Церковь, и бѣдномъ людьми подобнаго рода, а тѣмъ болѣе онъ былъ чуждъ людямъ, населяющимъ Рогожское кладбище и заправляющимъ дѣлами его. Тамъ его чуждались не только духовные, но и міряне, что стоятъ во главѣ жизни старообрядчества бѣлокриницкой іерархіи. Тамъ его, попросту, считали еретикомъ, вольнодумомъ, человѣкомъ религіозно старообрядчеству вреднымъ и, во всякомъ случаѣ, нежелательнымъ. Считали его человѣкомъ старообрядчеству не принадлежащимъ, а если и принадлежащимъ, то неискренне, лицемѣрно, или, такъ сказать, — въ видахъ своихъ.

Оттуда, черезъ соборы боголюбивыхъ епископовъ нашихъ, направлялись гоненія на этого мужа терпѣнія, оттуда летѣли стрѣлы, отправленныя ядомъ — болѣзненно явившія душу праведника. И вотъ воля Провидѣнія привела его умереть именно тамъ, и именно тамъ Провидѣніе заставило заботиться о его послѣднихъ дняхъ и погребеніи, и тѣхъ именно, кто менѣе всего на это былъ готовъ. Богъ Своими неисповѣдимыми путями, намъ непонятными, далъ возможность покойному и въ послѣдніе часы жизни доказать отрицателямъ его искренней принадлежности къ старообрядчеству, что они жестоко ошибались въ своихъ понятіяхъ о немъ.

Это поистинѣ дивно!.. Жилъ Киръ Михаилъ гонимый отъ нашего общества — вдали отъ насть, то въ Финляндіи, то въ Симбирскѣ, а то, гонимый даже и государствомъ,—заграницей. Далеко, далеко! То въ славянскихъ, а то и въ нѣмецкихъ земляхъ. Жилъ, находя прибѣжище у священника церкви господствующей—которую онъ покинулъ осудивъ, какъ церковь связанныю государствомъ въ свободѣ своей. Въ Берлинѣ, у покойнаго протоіерея Мальцева, долгое время спасался онъ отъ кары, которую ему грозило

нашё правительство. Человекъ, религиозная убѣжденія котораго онъ несомнѣнно обидѣлъ своимъ уходомъ въ старообрядчество, человекъ—состоящій на службѣ государства, далъ ему пріютъ и укрывалъ какъ-бы государствен-наго преступника (конечно, мнимаго) отъ законной кары, а мы его гнали, и гнали до мученической смерти, и все-таки умирать онъ пришелъ къ намъ. Къ намъ, добившимъ его нравственно и загнавшимъ его къ дикимъ людямъ, что добили его тѣлесно. Къ намъ онъ пришелъ умирать, чтобы доказать, что душа его, несмотря ни на что, предана была только нашей святой Христовой церкви, которую онъ искренно позналъ за истинную, къ которой онъ возсоединился и которой хотѣлъ послужить онъ, *всѣмъ серд-цемъ своимъ, всѣми способностями своими.*

Не знаю, поймутъ-ли это дивное событие наши доморошенные фарисеи, такъ, какъ понять его надлежитъ, и раскаются-ли они въ своихъ жестокихъ поступкахъ по отношению къ этому святому человеку, но намъ это до очевидности ясно. Мы нынѣ еще болѣе любимъ этого святителя-праведника, воочію, кончиною своею, доказавшаго намъ свою искреннюю принадлежность къ церкви Христовой—старообрядствующей. И горько мы плачемъ, что неудалось намъ при жизни его отвоевать у фарисеевъ нашихъ права его на руководство народомъ. Это невыносимо намъ больно... Одно только насть утѣшаетъ, это то, что и самъ онъ исповѣдывалъ, что принципъ „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“, не нашъ принципъ, нехристіанскій. Принципъ чуждый намъ. Мы говорили. Насть не понимали и не хотѣли понять. Не хотѣли? — Ну, и Богъ съ ними. Пусть живутъ такъ, какъ имъ кажется лучше...

Это единственное наше утѣшеніе.

Судьба исконного Киръ Михаила—это судьба Златоустаго. Тотъ былъ святъ, неподкупленъ, правдивъ, смиренъ и незлобивъ; таковъ былъ и этотъ. Того гнали свои-же собратья архіереи, и этого. Того гнали какъ политически вреднаго, какъ еретика, и этого тоже — архіереи и государство. Тотъ окончилъ земной путь своей мученической кончиною — гонимый отъ мѣста на мѣсто; и этотъ также. Тотъ благодарилъ Бога за все; и этотъ.

Они, эти святители, по своему складу души были созданы не для міра. О нихъ вполнѣ можно сказать словами поэта:

„Творецъ изъ лучшаго эфира
„Создалъ живыя струны ихъ.
„Они не созданы для міра
И міръ былъ созданъ не для нихъ“...

Да, именно, живыя струны ихъ души не созданы для этого грубаго міра. Имъ нѣть мѣста въ мірѣ жестокой борьбы за существованіе. Они не способны на эту борьбу, а потому и вышли изъ міра.

Напомнимъ нашимъ читателямъ жизнь этого праведника, и они сами убѣдятся, что дѣйствительно ему не было мѣста на землѣ среди грубыхъ людей и что гонители его были жестоко неправы.

Владыко Михаилъ былъ восторженнымъ юношемъ. Въ пору всеобщаго разложения нравовъ, безбожія, безвѣрія и безцерковности, онъ сумѣлъ сохранить себя отъ пороковъ юности и всею душою любилъ Бога, Христа и Его божественное учение не только въ широкомъ христіанскомъ смыслѣ, но и выражаемое церковью въ ея догматахъ, обрядахъ и обычаяхъ.

Въ ту пору, когда всѣ учебныя заведенія Россіи щеголяли безбожіемъ, безвѣріемъ, религіознымъ и политическимъ анархизмомъ, владыко Михаилъ, будучи архимандритомъ церкви господствующей и преподавателемъ духовныхъ наукъ въ Петроградской Духовной Академіи, велъ совершенно противоположную линію и съ огромнымъ успѣхомъ. Онъ проповѣдывалъ, читалъ всенародно, писалъ и спорилъ на диспутахъ; привлекая человѣчество къ христіанству. Онъ звалъ молодежь отъ холоднаго безбожнаго соціализма, проповѣдавшагося въ ту пору съ таکою яростью, къ соціализму христіанскому. То-есть, къ тому устройству общественной жизни, которая намъ заповѣдана Христомъ. Отъ соціализма—насильно распредѣляющаго богатства, онъ звалъ къ соціализму доброй воли въ отдаче другому того, что у тебя есть и чего нѣтъ у другого. Въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго распространенія этихъ призывовъ, онъ выпустилъ чуть-ли не до сотни брошюръ подъ общей предпосылкою — „Свобода и Христіанство“, и брошюры эти широко расходились. Эта его кипучая дѣятельность быстро создала ему имя, но зато обратила на него вниманіе и темныхъ силъ, которымъ эта его свѣтлая дѣятельность не нравилась. И силы эти стали на пути его стремленій—становя ему всевозможныя препятствія.

Въ простотѣ сердечной въ началѣ онъ этого не понималъ, а потомъ,—когда на него эти силы наложили свою тяжелую руку, онъ увидѣлъ, что онъ ведетъ свое дѣло религіознаго обновленія въ такой средѣ, въ которой это его дѣло недопустимо. Т.-е., онъ понялъ, что церковь господствующая, какъ связанныя союзомъ съ гражданскимъ государствомъ въ видахъ интереса этого государства, не можетъ допустить его дѣятельности, ибо эта его дѣятельность идетъ въ разрѣзъ съ интересами государства. Понявъ это, онъ рѣшилъ, что ему необходимо уйти изъ этой церкви. Уйти, возсоединиться съ церковью свободною, и тамъ проявить свои способности на обновленіе человѣческаго общества въ христіанской жизни.

Нужно сказать, что въ ту пору великихъ ожиданій, онъ былъ не одинъ въ своихъ стремленіяхъ. Въ средѣ духовенства господствующей церкви образовалась большая группа священниковъ—такъ называвшихся тогда „обновленцевъ“. Группа эта замышляла нѣчто крупное въ смыслѣ обновленія церковной жизни. Такое-же движение къ обновленію церковной жизни на почвѣ свободы церкви отъ государства, на почвѣ истинной христіанизации церковной жизни, обнаружилось тогда-же и въ Канадѣ (Сѣверная Америка) среди христіанъ восточнаго исповѣданія. Христіаде эти по своей религіозной совѣсти не могли войти въ общеніе съ канадскими церквами католической и англиканскою, считая ихъ еретическими, а отъ русской синодальной

и греческой, съ нею союзнической, хотѣли отдѣлиться потому, что онъ утратили свою религиозную свободу связью своею съ гражданскимъ государствомъ, такъ сказать, продали свое духовное первородство за государственное покровительство имъ и пошли за эту, своего рода, „чечевичную похлебку“, въ услуженіе къ государству. Христіане эти, въ числѣ около 63 приходовъ, хотѣли войти въ общеніе съ нашою святою Христовою церковью—восточного древняго обряда, церковью, свободною отъ союза съ государствомъ. Они просили дать имъ священнослужителей, книги, церковной утвари и учредить ихъ приходы въ согласіи и единеніи съ древнею восточною церковью.

Какъ разъ такого рода стремленіе преслѣдовалъ и Киръ Михаилъ, тогда еще архимандритъ.

Къ этому-же движенію были склонны и, вообще, всѣ „обновленцы“.

Киръ Михаилъ обратился къ епископу нашему, Кирѣ Иннокентію Нижегородскому, съ просьбою о возсоединеніи его со святою церковью старообрядствующею, и былъ принятъ имъ въ лоно ея.

При присоединеніи Киръ Михаилъ искренне оговорился, что исповѣдяя святую Христову церковь старообрядствующую во всѣхъ докладахъ ея, обрядахъ и обычаяхъ истинно православною, онъ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что при единеніи въ докладахъ возможна допустимость нѣкоторой разности въ обрядахъ и просилъ позволить ему не считать строго обязательными для него, а главное — для другихъ, что имѣютъ войти въ единеніе съ нами вслѣдъ за нимъ, обряды старые. Т.-е., сказать другими словами, онъ находилъ полезнымъ допустить нѣкоторую свободу разности въ обрядахъ.

Не знаю, совѣтовался-ли Киръ Иннокентій съ кѣмъ-либо изъ соепископовъ по этому вопросу, или нѣтъ, но свободу эту онъ допустилъ. Это и было выражено Киръ Михаиломъ въ его исповѣданіи при возсоединеніи.

Такая терпимость къ разности въ обрядѣ вполнѣ допустима. Это намъ доказываетъ и исторія церкви и повседневная наша собственная жизнь: у насъ обряды и обычай и понынѣ весьма различны на пространствѣ разселенности церкви по лицу земли. Слѣдовательно, бѣды тутъ нѣтъ.

Я выше сказалъ, что я не знаю о томъ, совѣтовался-ли Киръ Иннокентій по этому вопросу съ кѣмъ-либо изъ соепископовъ, или нѣтъ, — но я знаю, что онъ совѣтовался обѣ этомъ съ извѣстнымъ напімъ апологетомъ Ф. Е. Мельниковымъ и протоіер. о. А. Старковымъ. И они это одобрили, усматривая въ этомъ большую пользу для церкви Христовой.

И, по существу, это дѣйствительно такъ.

Вотъ на такихъ-то основаніяхъ и вошелъ въ единеніе со св. Церковью покойный Киръ Михаилъ.

Прямая, чистая душа и дѣйствовала прямо и открыто.

Все его стремленіе было направлено исключительно къ дѣланію на пользу св. Церкви.

Когда стало извѣстно, что канадскіе приходы желаютъ имѣть священ-

ника отъ нашей св. Церкви, то немедленно и явились мысль, чѣмъ посыпать въ Канаду священника, лучше послать туда епископа, который, прѣхавъ на мѣсто, наставить себѣ сослужителей въ потребной мѣрѣ изъ самихъ-же канадцевъ, по ихъ избранію. Мысль, такъ же, безусловно вѣрная. А за нею само собою вытекло, что ужъ если послать туда человѣка на такой важный постъ, такъ ужъ надо послать такого человѣка, который дѣйствительно бытъ-бы на мѣстѣ. Человѣкъ тамъ долженъ быть образованный и свѣтски и богословски, могущій дѣлать дѣло съ мѣстнымъ правительствомъ, могущій вліять на образованную среду и своими познаніями и своею религіозностью. Ясно, что такимъ человѣкомъ изъ нашей среды только и могъ быть одинъ архимандритъ Михаилъ.

Вотъ почему епископъ Иннокентій, въ руки которого попала просьба канадцевъ, и пришелъ къ решению послать въ Канаду именно его, предварительно рукоположивъ его въ епискона.

Такъ какъ дѣло не терпѣло отлагательства, ибо успѣхъ предпріятія зависѣлъ исключительно отъ быстроты дѣйствія, то ходатайствовать о рукоположеніи архимандрита Михаила въ епископа соборне не было времени, ибо это дѣло оттянулось-бы по меньшей мѣрѣ на годъ, а поэтому Киръ Иннокентій и рѣшилъ, вопреки правилъ, рукоположить его единолично.

Правда, если разсуждать строго канонически, то дисциплина Церкви этимъ поступкомъ нарушилась, но такъ какъ всѣ правила Церкви созданы исключительно для предупрежденія дѣяній, направляемыхъ во вредъ святой Церкви злюю волею, то само собою разумѣется, что въ этомъ дѣяніи епискона Иннокентія собственно преступленія не было, ибо намѣренія его были направлены только на пользу св. Церкви, а не на вредъ. Не было преступленія и со стороны принимавшаго рукоположеніе, такъ какъ онъ ничего лично не домогался для себя, а только стремился принести пользу Христу и Его св. Церкви.

Нарушений такого рода церковной дисциплины въ исторіи св. Церкви можно указать десятки, если не сотни, и кары за такія нарушенія не всегда примѣнялись св. Церковью, а напротивъ, зачастую одобрялись и именно за то, что этими нарушеніями дисциплинарного порядка достигалась польза для Церкви. Это-же должно-было имѣть мѣсто и здѣсь.

Попутно, пожалуй, можно прибавить, что въ дѣлѣ этого единоличнаго рукоположенія, была еще и другая косвенная причина, кроме того, что надо было спѣшить съ этимъ дѣломъ, но это уже если и было, то лично Киръ Иннокентіево преступленіе (если только это преступленіе), Киръ Михаилъ ничего обѣ этомъ не зналъ, не зналъ онъ этого и по самую смерть свою. Да и вообще это намѣреніе еп. Иннокентія до сихъ поръ доподлинно известно двумъ-тремъ лицамъ — не больше. Это было намѣреніе послужить неправдою—правдѣ. Намѣреніе скопированное очевидно съ дѣяній гг. Субботиныхъ, оо. іезуитовъ и, вообще, миссионеровъ. Это предполагалось по принципу:—цѣль оправдываетъ средства. Въ чёмъ это намѣреніе заключа-

лось—я не нахожу нужнымъ объяснять. Я думаю, что и потомъ найдутся люди, что додумаются до него и когда-либо используютъ.

Осуждать за это намѣреніе я не берусь, хвалить тоже, но думаю, что дѣло Христа не нуждается въ приемахъ подобнаго рода.

Получивъ это рукоположеніе Киръ Михаилъ поспѣшилъ отправиться въ Канаду.

Поѣхалъ онъ не прямо въ Канаду черезъ Германію или Францію, но нашелъ нужнымъ сначала посѣтить Константинополь, Гречію, и тамъ освѣдомиться получше о положеніи дѣлъ въ Канадѣ, такъ какъ въ Канадѣ въ ту пору былъ какой-то архиерей, якобы посланный туда греческимъ или константинопольскимъ Синодомъ, и изгнанный оттуда паствою, какъ самозванецъ.

Денегъ у Киръ Михаила было немного, но онъ имѣлъ получить ихъ отъ Совѣта Всероссійскихъ Съѣздовъ Старообрядцевъ за составляемый имъ учебникъ до Закону Божію для старообрядческихъ училищъ. Съ дороги, гдѣ онъ его окончилъ, рукопись учебника онъ доставилъ Совѣту Съѣздовъ и указалъ послать заработанныя имъ деньги во Францію, въ г. Гавръ, гдѣ онъ садился на корабль, чтобы отплыть въ Америку.

Но въ эту пору здѣсь въ Россіи случились события, которыхъ рѣшили участіе этой поїздки по-своему или, точнѣе пожалуй будеть сказать, вообще по-нашему, по-русски. Кто-то, гдѣ-то въ Петроградѣ на верхахъ, получилъ выговоръ за то, что старообрядцы приняли архимандрита Михаила и возвели его въ епископы, а потому, молъ, они недостойны поощренія въ достижениіи правъ, а наоборотъ, всяческаго стѣсненія.

Эти люди произвели гдѣ надо давленіе и Совѣтъ Съѣздовъ денегъ еп. Михаилу не послалъ.

Этотъ моментъ и былъ роковымъ въ цѣлой жизни еп. Михаила.

Кромѣ того, что еп. Михаилу пришлось голодать въ Гаврѣ и проводить ночи въ ночлежкѣ, онъ вынужденъ былъ вернуться въ Россію.

Какъ онъ оттуда выбрался домой, я хорошо знаю, но домой онъ попалъ, а здѣсь его ждалъ судъ собора и запрещеніе.

Это, конечно, не могло не отразиться на его душевномъ настроеніи. Но еще не столько то, что онъ былъ запрещенъ къ священнослуженію, сколько тѣ отношенія, съ которыми къ нему отнеслись верхи старообрядчества.

Вину свою (что онъ рукоположенъ единолично, безъ воли собора) онъ сознавалъ, сознавалъ и необходимость подчиненія постановленію собора, но глубоко протестовалъ онъ противъ тѣхъ нападокъ на него, тѣхъ исканій за нимъ не существующихъ ересей, которыхъ потомъ посыпались на него въ изобиліи. Онъ мало отвѣчалъ на нихъ печатно, но душу его они волновали глубоко, а главное потому, что всѣ эти исканія были явно предвзятыми и откровенно невѣжественными.

Я помню на одномъ изъ соборовъ (кажется 1909 г.) покойный архи-

епископъ лично взялся обвинять его въ ересяхъ по поводу его разсужденій въ журналѣ „Церковь“ о первыхъ дняхъ творенія и въ особенности напиралъ на ересь въ его взглядѣ на продолжительность жизни земли, движение ея вокругъ солнца и т. п. Нападки эти были такъ беспочвенные, невѣжественные и притомъ настолько назойливы, что въ концѣ разсужденій соборянъ на эту тему еп. Михаила довели до такого состоянія, что онъ въ ужасѣ великаго отчаянія воскликнулъ, что онъ просто не знаетъ что сказать на эти безсмыслицы обвиненія. А когда нѣкоторые изъ болѣе мыслящихъ соборянъ стали его успокаивать и просить не принимать это горячо къ сердцу, тогда онъ съ пафосомъ глубокой скорби воскликнулъ:—„Во мнѣ все отмерло!.. Я не чувствую себя живымъ. Оторвалось что-то. Душа отболѣла.“

Это были слова такой глубокой скорби и благороднаго негодованія на невѣжественную дерзость людей, что смыслъ ихъ трудно передать человѣческимъ языкомъ. Ихъ можно только почувствовать... Они до сихъ поръ звучатъ въ моемъ сердцѣ и забыть ихъ я никакъ не могу. Но думаю, немногіе ихъ поняли тогда и тѣмъ болѣе забыли теперь.

Само собою разумѣется, что архіепископъ его не понялъ и лишь только согласился на то, чтобы назначить нарочитую Комиссію для „отысканія ерсей“ въ сочиненіяхъ епископа Михаила, которая и представить слѣдующему собору.

Что это была за Комиссія и какъ она „отыскивала“ ереси за еп. Михаиломъ, очень характерно описалъ Киръ Иннокентій въ № 1 журнала „Старообрядческая Мысль“ за 1911 г. въ шуткѣ подъ названіемъ „Засѣданіе Комиссіи по дѣлу еп. Михаила“.

Въ этой юдкой шуткѣ выражена весьма горькая правда: взялись люди судить о томъ, чего сами не понимаютъ. Къ чести Комиссіи — она такъ и „закрылась навсегда“, какъ сказано въ этой шуткѣ, не вынеся никакихъ постановленій. Но вѣдь дѣло этимъ не кончилось, оно въ этомъ-же самомъ духѣ продолжалось до самой печальной кончины блаженнаго еп. Михаила.

Время шло, ереси продолжали „отыскивать“ и оглашать ихъ печатно.. Чуть-ли не съ этою нарочитою цѣлью былъ и созданъ архіепископомъ Ioannомъ журналъ подъ названіемъ „Старообрядческій Пастырь“ (въ шутку называемый „Старообрядческій пластирь“), сданный подъ водительство яраго противника еп. Михаила священника о. Г. Карабиновича.

Невзирая на то, что задиранія о. Карабиновича игнорировались въ началѣ долгое время, онъ тѣмъ не менѣе съ великою настойчивостью, достойною лучшаго назначенія, продолжалъ свои обвиненія еп. Михаила въ томъ, въ чемъ повиннымъ быть тотъ и не думалъ. Какъ образецъ характерности обвиненій въ еретичествѣ еп. Михаила, можно указать на такой фактъ: въ помянутомъ журнале была помещена фотографія еп. Михаила, нидящаго на садовой скамейкѣ рядомъ съ нѣкіимъ голгофскимъ христіаниномъ Абрамовымъ (еще въ бытность его въ господствующей церкви)—это

по мысли о. Карабиновича должно служить ясною уликою того, что еп. Михаилъ и самъ голгофскій христіанинъ. Ну, а спросить-бы о. Карабиновича:

— На изображеніяхъ первого вселенского собора пишутъ совмѣстно со свв. отцами и Ария еретика, и Евсевія и др.—что-же, стало-быть, и святые отцы еретики?!

Вотъ такого рода и вообще доказательства обвинителей вл. Михаила.

Но вѣдь они душу-то обвиляемаго мучили. Клали на него отпечатокъ тяжести.

Собирались соборы. Епископа Михаила на нихъ не приглашали и дѣла его къ слушанію не назначали. Это тоже убивало покойнаго.

И вотъ мало-по-малу—душа его заболѣла и болѣзнь развивалась медленно, но вѣрно.

Душа жаждала дѣланія, а дѣланія люди не давали. Душа жаждала пользы человѣку-брату, а на эту жажду отвѣчали тяжелыми ударами по уму, сердцу и самой душѣ.

Онъ бросилъ среду господствующихъ, какъ среду чуждую дѣла Христа и пришелъ къ намъ съ открытой душою, съ тою-же жаждою послужить добру, правдѣ, принести посильную пользу церкви Христовой, но и здѣсь завистливое невѣжество ополчилось противъ него, изгнало его изъ своей среды, заставивъ скитаться по чужимъ краямъ и дѣлать дѣло Христово только украдкою какъ-бы, какъ-бы насильно навязывая доброе человѣку.

Это были удары, которые вызвали неврастенію, а она помѣшательство, а это послѣднее смерть подъ ударами ломовыхъ извозчиковъ, тѣхъ дѣтей народа, которому онъ посвятилъ всѣ свои способности и радости жизни. За всѣ жертвы, которыхъ онъ добровольно принесъ на благо народа — онъ получилъ въ награду переломъ реберъ и ключицы, простуду и мытарства въ больницѣ.

Гнало его государство, іерархія церкви господствующей, іерархія нашей церкви, изувѣчилъ его народъ простой, и интеллигентъ врачъ больницы своимъ невниманіемъ добилъ его. Однимъ словомъ: человѣкъ во всѣхъ своихъ видахъ благородныхъ и грубыхъ, просвѣщенныхъ и темныхъ — отблагодарилъ его такъ, какъ всегда человѣкъ благодарить великихъ людей.

Вся жизнь его была тяжелымъ крестоношеніемъ, а смерть — это своего рода голгофа.

Но воля Провидѣнія все-таки милосердна: пославъ ему тяжкія испытанія въ жизни, она милосердя привела его къ блаженному покою среди пастырей церкви, послужить которой онъ жаждалъ, и я вѣрю, что нынѣ душа его, стоитъ предъ престоломъ Всевышняго, очищенная, убѣленная, свѣтозарная, примиренная со всѣми и молитъ Всевышняго простить его гонителей и уврачевать ихъ мрачную душу свѣтомъ правды Христовой.

Да будетъ ему вѣчная память и блаженный покой!

Н. Зенинъ.